

Розу А.ица

Цена добра

Фазу Алиева

Цена добра

«Эпоха»

2012

Алиева Ф. Г.

Цена добра / Ф. Г. Алиева — «Эпоха», 2012

Очередная книга народного поэта Дагестана, писателя и публициста Фазу Гамзатовны Алиевой, повествует о мире и родной земле, о нравственности и человечности. Книга состоит из цикла лирических миниатюр – коротких рассказов и нескольких очерков.

© Алиева Ф. Г., 2012

© Эпоха, 2012

Содержание

В гармонии совести и таланта	5
Корни все – под левую рукою	15
Это я видела сама	21
Слеза Родниной	23
Мои печальные тропинки	25
Гармония одиночества	27
Все меняется	28
Золотая осень	29
Генеральная репетиция	31
Мамин наперсток	32
Уже тропа не звенит	34
Странная собака	36
Тайна души	38
Аромат хлеба	40
Во мне шумят реки и речки	42
Она не уставала повторять	44
Пророчество тети Халун	46
Крапива и молитвы	48
С горными речками дружба верная	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Фазу Гамзатовна Алиева

Цена добра. Рассказы и очерки

В гармонии совести и таланта

«Человек приходит в этот мир творить двумя руками: одна рука – это его чувства, нравственность, совесть; другая – талант, знания. И от того, как он будет пользоваться обеими, зависит успех его деятельности».

Р. Абдулатипов. «Авторитет разума»

О чем эта книга? Времена меняются, это непреложная истина. Истина и то, что неизменным остается слово народного поэта Дагестана, писателя и публициста Фазу Гамзатовны Алиевой, повествующее о мире и родной земле, о нравственности и человечности. Сегодня она радует нас своей очередной книгой – «Цена добра», которая состоит из цикла лирических миниатюр – коротких рассказов и нескольких очерков.

Первое, что пришло на ум, когда я читала страницы новой книги, был диалог Софьи Андреевны Толстой с Иваном Сергеевичем Тургеневым. Однажды Иван Сергеевич вместе с Софьей Андреевной и Львом Николаевичем Толстым приехали в Ясную Поляну отдохнуть, поохотиться. Софья Андреевна спросила у Тургенева: «Отчего вы больше не пишете?» Он ответил: «Не могу». Тогда она спросила: «А что надо для того, чтобы писать?» И Тургенев, оглядываясь вокруг (не слышит ли их кто), шепотом ответил, что всякий раз, когда он что-нибудь писал, его трясла лихорадка любви и, чтобы писать, он должен быть влюблен. «А теперь, увы, я стар и не могу делать ни того, ни другого», – с огорчением произнес писатель. Потрясенная его ответом, С.А. Толстая в шутку сказала: «Ну, влюбитесь хоть в меня, только чтобы опять начать писать». Писатель со вздохом ответил: «Нет, ни в кого не могу больше влюбиться».

Сегодня, перелистывая лирическую исповедь миниатюр Ф.Алиевой, убеждаешься в том, что влюблена она всегда, всю свою жизнь. Влюблена в свой край, в крохотную часть большой земли, влюблена в людей, в светлое начало в человеке, влюблена в саму жизнь. И эта любовь, воплощаясь в образы, передается читателю.

Она не устает писать о добродетелях и нравственной чистоте, о долге перед Родиной и перед собой, о любви к родной земле и к человеку. Пишет о времени, которое выявляет суть каждого из нас. Неиссякаем источник ее боли за Родину, за людей, любви к ним, выражаемый глубоким и мудрым словом поэта, писателя, гражданина.

Книга «Цена добра» – своеобразная проза, по своему стилю определяемая в литературоведении как «стихотворения в прозе». Это – цикл лирических рассказов, зарисовок, откровений, лирических размышлений автора о жизни и человеческих отношениях. О любви к ближнему («Я твоя чайка», «Уже тропа не звенит», «Мамины глаза», «Я создала свой духовный мир»), о жизни и смерти («Вестница смерти», «Я с детства боялась»), о воспитании подрастающего поколения, о преемственности («По капелькам печаль моя копилась»). Это также лирическая исповедь о скорби и потерях («Я создала свой духовный мир», «Голоса бессонницы», «Все меняется»), добре и зле («Цена добра»), возмездии («Хромая Хатун»), думы о Родине («Корни все под левою рукою»), о цене хлеба, труда, о человеческих качествах – хороших и порицаемых («Ищу тишину», «Домашние воры»), о вечных ценностях. Не обойдены вниманием образы любимой бабушки, Омардады. Особое внимание уделяется проблемам преемственности, уважительного отношения к старшим, веры, нравственности, терпения.

«Цена добра» – это своеобразный акрополь творческой мысли автора. Как и прежние ее книги, новая отличается глубокой лиричностью, живыми образами, призывом к добру и человечности. Ее мудрость величественна, испытана временем и выдержана. Она понимает цену добра и доносит до читателя мысль, что любой беды и горя можно избежать, лишь совершая добро, творя благо, сохраняя человечность. И поэтому каждым своим рассказом автор призывает людей к участию, пониманию, принятию других. Любой ее рассказ – это компромисс, это борьба за мир и согласие. Хотя мораль Фазу ненавязчива, многие ее рассказы носят дидактический, назидательный, наставнический характер. Она считает важным будить в человеке добрые чувства: благородство, верность, сочувствие, справедливость.

Сохранить чистоту помыслов, деяний – тяжелая работа для сердца, но она так же благородна, как и необходима. Подобная мысль высказана А. Лихановым в предисловии к книге о трех американских гуманистах – Р. Брэдбери, Х. Ли, Дж. Сэлинджере «Вино из одуванчиков. Убить пересмешника... Над пропастью во ржи» (М.: Правда, 1988). Хотя их слово сказано в защиту детства, детских судеб, оно относится и к взрослой жизни и получает выражение в микросюжетах, лирических раздумьях, размышлениях Фазу Алиевой в «Цене добра» – ради сохранения первообраза гармонии правды, красоты и добра. Эти мысли, по словам А. Лиханова, «главные стропила их сочинений, внутренняя основа, на которой держится атмосфера, в которой только и может дышать действие. «Вино из одуванчиков. Убить пересмешника... Над пропастью во ржи» – три блестящих гуманистических панегирика в защиту детства, три гимна человечности, три адвокатские речи в пользу доброты, любви и добросердечия». Эти же слова можно отнести не только к последним книгам Ф. Алиевой «Табуны», «И пушки гремели, и музы не молчали», «Цена добра», но и ко всему ее творчеству.

Последняя книга – своего рода амфитеатр человеческой жизни. Здесь человек как бы видит себя со стороны, осознает свои пороки и добродетели. Читатель не только смотрит на актеров (героев) в качестве зрителя, но и сам становится участником событий, переживаний, находит в эпизодах зеркальное отражение своего образа, своих поступков, действий, себя самого. На самом деле выводы-мысли по прочтении рассказов «врываються, не спросясь, в наши сердца, в наши души, заставляя нас содрогаться от чувства справедливости и несправедливости, от боли и радости, от смеха и тоски», как говорил А. Лиханов.

Немалое место в книге уделяется картинам природы, описанию гор, рек, моря, водопадов, камней, скал и т. д., которые занимают особое место в жизни автора. Вообще, когда речь заходит о творчестве Фазу Алиевой, непременно ожидаешь чего-то доброго и светлого, мудрого. Ее нравственные принципы основаны на традициях предков, законах гор. И все это передается с особой лирической тональностью и выразительностью. Ее слово показательно, образцово, представительно. Вместе с тем оно типично, то есть оно переходит в разряд классических. Хотя в книгу «Цена добра» вошли короткие рассказы, эссе писателя, однако объем чувств и мыслей в них велик. Как сказал американский писатель Э. Хемингуэй, «хорошая проза подобна айсбергу, семь восьмых которого скрыто под водой». Читая книгу «Цена добра», мы видим, какая глубина скрыта в небольших рассказах, видим большого мастера, глубоко знающего и понимающего жизнь. Хотя кому как не ей, выросшей в горном селении в голодные, суровые военные и послевоенные годы сироте, не знать тягот горской жизни. Проследившая судьбу лирической героини ее произведений, а вместе с ней и биографию автора, мы видим, с каким безграничным терпением и удивительной выдержкой переносили трудности жители гор. Там, где заканчивалось терпение, начинала работать выносливость, там, где не хватало умения, учились у мудрых предков.

Так с детских лет Фазу Алиева запасается мудростью горцев своего края, где из каждой уст сыплются жемчужины народной мудрости, способные претендовать на вечность. И потому позднее, повзрослев, приобретая все большую известность, она стала открывать «маленькими ключами большие сундуки», где, сверкая, как алмаз, хранятся эти сокровища народной муд-

рости, мужества, терпения. Это могло быть одно слово или фраза, одна пословица или один маленький рассказ в книгах автора. Она щедро делится с читателями своим накопленным опытом, своим даром, мудростью предков. «Не надейся на гору, она может разрушиться, не надейся на море, и оно может иссякнуть», – направляет она читателей, воспитывает умение довольствоваться тем, что Аллах дает человеку, умение надеяться только на свое трудолюбие. Такое впечатление, что чем больше она раздает людям из этих «сундуков», тем полнее они становятся и, как результат, мысли – глубже и слова – острее.

В доме любого горца бережно хранятся такие «сундуки», и мудрость предков из них приходит к нему на помощь в самое тяжелое время. Надо только уметь открывать их и пользоваться ими.

Мудрость из сердечных «сундуков» тропинкой стелется к человеку, когда он заблуждается. Небольшие пословицы, маленькие притчи, брошенные в эти «сундуки» предками, учат современников жить, любить и защищать свою Родину, дорожить своим очагом и передавать это богатство новому поколению.

С детских лет в горах у очага человеку внушают, что он, придя на эту землю, должен оправдать свое назначение быть человеком. Это значит творить добро, это значит не делать другому того, чего не хотел бы себе. «Прежде, чем воткнуть в сердце другого человека шило, воткни в свое сердце иголку, чтобы знать, как это бывает больно», – говорили горцы. Так и в новой книге «Цена добра» Фазу Алиева стремится достучаться до сердец читателей и донести до них истину мудрых предков, что еще никому не удалось прожить дольше благодаря своему ожесточению, злобе, нетерпимости. Как раз наоборот – «жизнь можно продлить лишь одним благородным способом – сея любовь и добрую память в душах людей».

Эта книга – о нас с вами и наших чувствах, поступках, деяниях. Даже если речь заходит о тех же любимых героях (прототипах) Фазу, таких как бабушка, дядя, тетя, мать, они живы, реальны, они сегодня с нами, и все происходящее в книге – это о нас с вами. Перед нами не просто автор или лирическая героиня, это – герой, в котором воплощается авторская идея. Повторы имен героев, прототипов – это особый взгляд автора, манера письма, отличительная черта ее творческого выражения. В некоторых случаях, не меняя имен живущих и живших людей, автор передает чувства и переживания, восприятие современного человека, его ощущение мира, событий.

Надо отметить, что читатель не найдет в произведениях Ф. Алиевой абсолютно отрицательных героев, которые были бы раскрыты во всей их негативности. Практически всегда доминирует, ставится в пример герой позитивный, зло отрицается подтверждением добрых идей, утверждением положительного героя.

Мне всегда было интересно, как Ф. Алиевой удается бороться со злом, не показывая отрицательного героя, не говоря или не произнося, скажем так, «дурных слов и фраз». Помню, как на одной из встреч я задала ей вопрос: «Почему у вас мало негатива, мало отрицательных героев, ведь многие говорят о том, как много негатива в нашей жизни и люди непредсказуемо опасны?» В ответ услышала изумительную боль за людей, за Родину: «Меня не восхищают отрицательные герои, и они никак не стали предметом изображения в моем творчестве. Они и не получаются у меня – не удаются. Но то, что творится сейчас в Дагестане, да и во всем мире, никак не укладывается в моем сознании. Так не должно быть. Время менялось всегда, оно будет меняться, будет вносить свои коррективы, свои судьбоносные изменения, но человек должен оставаться человеком, вне зависимости от того, какое время пришло».

Есть вечные ценности, вечные добродетели, о которых человек не должен забывать, которые он должен знать, обязан чтить и должен им следовать. Никто не дал нам права отнимать жизнь у другого человека, совершать зло и насилие над другими. Какая-то кучка «злых людей» не должны формировать мнение о Дагестане и дагестанцах. Для меня дагестанцы не изменились, не должны меняться. Я не хочу знать тех, кто недостойн, чтобы писатели и поэты уделяли

им внимание. Для меня дагестанцы – это те, кто научил меня любить и уважать людей, научил ценить родную землю, научил искренне плакать, радоваться, делить свой кусок с другими. Это те, которые с той маленькой делянки в горах привили во мне любовь к большой земле, к миру, к исцелению, привили любовь к Родине и к созиданию. От того, что какой-то маленькой кучке людей деньги вскружили голову и они теряют совесть, всем остальным не надо сходить с ума. Надо обладать разумом, чтобы быть выше всех интриг, уметь любить свою Родину, землю и честь, и необходимо уметь защищать все это. Все плохое, что происходит сейчас, – это временное. Это непременно закончится, останутся лишь вечные ценности, созидательное добро. И люди не должны изменяться под влиянием времени. А что такое время? Это то, что мы с вами – современники – делаем, это мы делаем время таковым!...».

Какая мудрость в этих словах! Какая благородная гражданская позиция! Недаром народ оценил ее как поэта с высокой гражданской позицией. Такой предстает перед нами гуманная Фаза – и в жизни, и в своих произведениях. Такой предстает и лирическая героиня в ее новой книге, таков призывающий к добру образ автора, такова позитивная созидательность остальных героев. Они реалистичны вне зависимости от времени. Их пример сегодня актуален, потому что речь идет о вечных ценностях, о созидательном добре. Мне представляется, что мы, современники, придумали для себя удобное понятие – «время такое» – и перекладываем свою личную ответственность за действия и поступки на время. И не слишком ли легко мы хотим отделаться, списывая все на время, вместо того, чтобы самим стараться, прежде всего, оставаться ЛЮДЬМИ, сохранить человеческое лицо, быть добрее. Благо, истинно народные писатели и поэты, гуманисты, такие как Ф. Алиева, напоминают нам, что не время делает нас, а мы делаем время таким или иным.

Вспоминается письмо-отзыв одной из читательниц Ф. Алиевой – известной российской писательницы Марины Устиновой, проживающей в Америке, в котором она выражает свое восторженное отношение к творчеству Ф. Алиевой: «Пишу к вам из далекой Калифорнии, только вернувшись из России, захватила с собой вашу книгу. Повторяю я про себя слова вашей героини здесь, в Лос-Анжелесе, чтобы не было страшно на Чужбине, и в ушах звучит голос вашей Бабушки: «Аллах, береги мою сиротку от дурного глаза, от ложного поступка...». Ваша книга – это потрясающий мир чистоты, духовности и необычных культурных особенностей. Когда читаешь, с каким мужеством и достоинством ваши герои переносили все нескончаемые лишения, то становится стыдно за то недовольство, что мы испытываем в жизни, когда у нас все есть.

По вашим книгам и стихам я учусь быть преданной и покорной женщиной. И должна Вам сказать, что в современном мире нет таких школ, где женщина могла бы научиться преданности и терпению по отношению к своему мужчине. И происходит это из-за того, что позиция современной женщины – это социальная активность делового человека, который в ответе за все, что происходит в мире... Выражаю Вам слова любви и благодарности за Ваши произведения».

Поистине хочется выразить слова благодарности автору за выбор особых героев, за создание трепетных образов матерей, женщин-горянок, за мудрую «академию» бабушки, за мужественных «Болконских», горцев – защитников мира, дома и тепла. Особо хочется отметить живой, душевный образ Бики, хранительницы очага, своего рода талисмана семьи Ахмедхана, в которой сочетались детскость и мудрость, простота и жесткий практицизм (рассказ «Светлячок»). Только человек, наделенный особым даром видения, мог заметить в таком незаметном для других, своеобразном мире Бики характерное, типичное, важное. На самом деле, такие, как Бика, – это хранительницы дома, от которых исходит энергия добра, созидания, особый свет. Как говорят кубачинцы, «кала батта» – «топор дома» – это именно те, кто охраняет самое главное в жизни горцев – тепло очага и мир в доме. Горцы говорят: семья или село, где нет таких светлых, чистых людей, как Бика (например), – это та семья или село, которые лишены

благодати (бараката) Всевышнего, от которых Он отвернулся. Фазу Алиева увидела и этот редкий, особенный, но вместе с тем характерный горцам образ собирателя благодати, хранителя добра или же еще лучше – носителя «бараката». С такой нежностью, любовью и искренностью написан рассказ, что оставляет неизгладимое впечатление по прочтении.

Как же построена книга и как автор добивается такого художественного эффекта? Книга изначально написана на русском языке. Объем каждого рассказа составляет от странички до пяти-шести страниц машинописного текста. Выступления, очерки – до девяти-десяти страниц. Есть миниатюры на половине страницы. Такого же характера книги выходили у Ф. Алиевой и ранее. Это книга из цикла маленьких рассказов «Табуны», вышедшая в 2005 году и написанная на русском языке. Самой первой была книга, написанная на аварском языке «Книго микьир» («Два персика», 1990 г.). Как видим, их немного (малых жанров прозы), но, как говорил Л.Н. Толстой, «во всяком деле лучше немного, но хорошего, чем много, но плохого. Так же и в книгах».

Отличительные черты прозаического творчества Ф. Алиевой – это глубокий лиризм, насыщенная экспрессия, монолитность мысли и слога, психологизм, философские размышления, мудрость идеи. Это также возвышенность слога, насыщенная тонкими эмоциональными переживаниями лирического героя, наполнение текста авторскими рассуждениями, эмоциональным повествованием. Зачастую большинство этих категорий характеризуют жанр «стихотворений в прозе» или же «лирической прозы». Хотя вопрос немного спорный в литературоведении в плане определения жанра, да еще при наличии небольшого объема текста. Настоящая же книга полностью соответствует канонам современного определения жанра «лирическая проза».

Неотъемлемым в этом жанре является и присутствие автора в тексте. В новой книге прежде всего мы чувствуем автора, стоящего между читателем и текстом. Его присутствие зримое, явное, непринужденное. И даже когда оно невидимо, этот эффект присутствия насыщает читательское восприятие. Восторг, негодование, элегическая грусть, полемика, монолог, диалог – все эти переживания и чувства автора передаются читателю естественно. Благодаря эффекту присутствия автор добивается такого наполненного художественного восприятия, которого желал бы для себя любой художник слова. Автор практически всегда виден, он всегда рядом, его повествование завораживает, авторская непринужденная «беседа» заставляет читателя сопереживать вместе с героями. И вместе с тем всегда остается место для читательского анализа, умозаключения, для читательского выбора – принятия или отрицания конкретного случая, переживания, идеи.

Первое, что бросается в глаза, когда перелистываешь «Цену добра», – это эпитафии. Эпитафия (и даже не один) к каждому рассказу, да и сами названия, – это практически всегда композиционная и смысловая доминанта автора. Занимая особое место в тексте, они подготавливают читателя к восприятию основной идеи. Из двух эпитафий первыми могут быть строчки стихов самого автора (в большинстве рассказов так), второй – слова, афоризмы, изречения, максимы, цитаты, высказывания или строки из стихов известных в мире мастеров слова. Это писатели, поэты, драматурги, государственные деятели, мыслители, философы, начиная с античности и до наших дней.

Названия рассказов и эпитафии полифоничны, полисемантичны и, как мы уже отметили, в основном выражают конечную цель авторской мысли. Название же самой книги «Цена добра» является квинтэссенцией замысла автора, стремящегося раскрыть читателю мир своей души. Можно сказать, не только одним рассказом осуществляется этот замысел, но и вся книга одним дыханием отвечает на вопрос, поставленный автором в названии книги. Каждый рассказ взывает к чувству ответственности каждого из нас за все происходящее вокруг, вызывает чувство стыда за свои недобрые поступки, заставляет задумываться, всегда ли мы правильно поступаем по отношению к близким, друзьям, знакомым и незнакомым людям, какова цена и

каковы исходные точки отсчета добра. Вместе с тем они (рассказы) говорят о необходимости уважительного отношения к достоинству человека, дают пищу для размышления о человеческих добродетелях.

По мере развертывания текста мы видим, как заглавия и эпиграфы семантически развиваются, основная мысль раскрывается более детально, и читатель узнает обо всем, о чем хотел поведать автор в конкретном изложении. Так, к примеру, в рассказе «Мамины глаза» первым эпиграфом служат строки из стихов Ф. Алиевой. Вторым – слова американского философа, поэта и писателя, ливанца по происхождению Халиля Джебрана: «Мать – все в жизни, она утешает в печали, вселяет надежду в отчаянии, придает силы в минуту слабости: она – источник нежности, сострадания, жалости и прощения; кто теряет мать, теряет человека, на чью грудь он мог бы склонить голову, чьи глаза охраняли бы его, а рука давала благословение». Одним этим эпиграфом практически все сказано о матери и ее величии, и читатель, казалось бы, осознал цену слова «мать». Далее эта емкая, почти открытая мысль развивается, расширяется и развертывается по ходу изложения авторского замысла. Это рассказ об искренней, нежной любви матерей, о бесконечной, безграничной боли родителей за детей, о том, что никто и никогда с такой любовью не посмотрит на детей, как смотрят материнские глаза, о том, что цену матерям дети понимают слишком поздно. Ловишь себя на том, что, после того как прочитан очередной рассказ, сразу же возвращаешься к его началу, так как хочется еще раз прочитать так удачно подобранный эпиграф, в котором заключен главный замысел автора и который фиксируется в сознании читателя.

Такого же художественного эффекта, как и при использовании эпиграфов, автор добивается удачным использованием других композиционных составляющих. К ним относятся многочисленные субъективные авторские описания (эмоциональные переживания лирического героя), ритмизованная речь, повышенная экспрессивность выражений, риторические приемы, монологи, диалоги, эмфазы. Использование лирических отступлений, ретроспекций, воспоминаний, снов, тостов, народных пословиц, поговорок, притч, поверий, намеренных повторов, изречений и наставлений бабушки создают особую атмосферу восприятия текста. Все это определяет и подчеркивает своеобразный стиль произведений Фазу.

Вот здесь, наверное, пора поговорить о том, как написана книга, о ее языке и стиле, почерке и т. д. Несомненно, у каждого писателя или поэта своя манера письма, своя интонация – неповторимая, единственная. Говоря о прозе Ф. Алиевой, доктор филологических наук З.К. Магомедова в монографии «Дагестанская публицистика XX века: формирование, развитие, тенденции» удачно замечает: «Собственный художественный дар, помноженный на прекрасное владение поэтическими средствами народного творчества, плюс хорошее знание пословиц, поговорок, обычаев и традиций делают произведения Фазу Алиевой поистине кладезями народной мудрости, которую она впитала с детства и передает читателю». Все перечисленное выше – один из определяющих принципов и особенностей стиля Ф. Алиевой. Ее слово обладает способностью проникать в человеческое сердце, дисциплинирует его, ирония способствует осознанию недостойных поступков, юмор возвышает, подтекст заставляет работать мысль добрую, светлую, созидательную. Ее фраза волнует, будоражит самые светлые чувства, облагораживает сердца, ставит человека перед необходимостью дорожить и ценить красоту, чистоту, порядочность. Те, кто более или менее знаком с творчеством Ф. Алиевой, отмечает высокое мастерство художественного воспроизведения, умение отобрать и вкладывать в уста героев, в текст наиболее удачные изобразительно-выразительные средства народного языка. Примечательно и то, как органически они вплетаются в текст, создают особый колорит.

Более всего интересен и силен в тексте Ф. Алиевой юмор: ее ирония, умение через шутку высказать все, о чем хотелось поведать читателю. Он непревзойден, силен, может решить любые, казалось бы, неразрешимые вопросы, компетентен в любых неожиданных ситуациях. Благодаря юмору находится выход из любого положения, сложившейся ситуации. Перед ее

юмором, ярким, сочным, все остальные чувства «ложатся на лопатки». Приведу несколько примеров.

В рассказе «Осиное гнездо» героиня Алжанат, единственная дочь состоятельных родителей, с детства растет балованным ребенком. «Так прививалась ей любовь к себе самой, а на этой благодатной почве незаметно рос и креп ее эгоизм», что к 15 годам «она чувствовала себя главным человеком в доме». Со временем она выходит замуж за хорошего, доброго человека, друг за другом рождает троих детей, и в своей семье она приучила всех считать ее самым главным человеком в семье, ее слово должно быть решающим, раз она сказала что-то, все должны беспрекословно исполнять его.

Проходит время, старший сын Саид едет учиться в город. Выучившийся, повзрослевший сын приезжает в село и так же, как и отец, начинает работать в школе. В семье речь заходит о его женитьбе. Как только Алжанат узнает, что за ее спиной, без ее ведома сын выбрал себе невесту, она получает «первую пощечину» созревшим, самоуверенным ответом сына: «Я тебя скоро познакомлю с ней. ... Не знаю, ты спиной стояла или лицом, когда я ей делал предложение, но факт остается фактом». Вдобавок муж, всегда терпеливо выносящий все ее капризы, тоже становится на сторону сына: «Мы привыкли молча переносить твои капризы, но в таком важном вопросе, я бы сказал, судьбоносном для нашего сына, пусть он решает сам». Ее ожидает еще сюрприз – мало того, что эта девушка городская, она еще лезгинка (которая не знает аварского языка). «Вабабай! Что, я должна еще и это пережить?» – кричит разъяренная от такой «непослушности и непокорности» близких людей Алжанат. Потеряв дар речи, от злости она плюхнулась на камень, снятый с разбираемого сыном и тремя рабочими старого забора. А в стене забора рабочие находят осиное гнездо. Как только мужчины откладывают работу на завтра в связи с тем, что там осы, «а укусы ос очень опасны, до завтра, думаем, они улетят», разъяренная Алжанат с упреком в адрес мужчин хватается за палку и начинает ворошить осиное гнездо.

Вот тут-то наступает кульминационный момент, процесс «перевоспитания» непокорной Алжанат не людьми, а осами!.. «Пятеро мужчин – муж, сын и трое рабочих, сняв с себя пиджаки, спасали ее от разъяренных ос. И все-таки они оставили в ней семь жал. То ли от боли, то ли от испуга Алжанат потеряла сознание и упала». После того, как ей сделали укол, она приходит в себя. В этот самый момент сын видит, как отец смотрит на нее и улыбается. Сын в недоумении: «Это же не шутки, папа, известно, что даже от одного укуса осы некоторые люди умирают!» А отец тихо шепчет ему: «Сынок! Я знал, что это для нас легкий испуг, у мамы ведь яда больше, чем в целом осином гнезде!» В завершение рассказа просто хочется сказать: «Какая неподражаемая, непредсказуемая ирония автора, какой жизненный урок!»

В другом рассказе «Встреча двух змей» видим лирическую героиню в гостях в местности Тарки (небольшой поселок на горе, на окраине города). Пока гости с хозяевами разговаривали, Фазу выходит прогуляться по окрестности. Увлеченная красотой природы, она не заметила, как оказалась в двух шагах от «большой, толстой, сверкающей, как чистый алмаз, змеи». Ее «тело задрожало, казалось, что земля под ногами качается. Змея, подняв голову и играя языком, внимательно рассматривала меня... Я слышала стук своего сердца, в каждую клетку моего тела будто втыкали иголки, дрожала, как осенний лист, но стояла, как вкопанная», потому что сын-биолог ей когда-то говорил, что при встрече со змеей нельзя шевелиться. А змея, как будто оценивая ее, немного постояв, уползает дальше...

Потрясенная происшедшим, еще не пришедшая в себя от ужаса дневной прогулки, Фазу вечером рассказывает сыну обо всем случившемся, так сказать, решается поделиться своим «горем». В такой-то момент, казалось бы, где тут место юмору или иронии, но нет – автор находит ему твердое место в ответе сына. Неожиданный поворот событий (!): «Он засмеялся и сказал: «Ничего удивительного не произошло, что змея не укусила тебя, это была встреча двух змей. Она ведь мудрая, наверное, подумала: «Эта змея большая, вряд ли я смогу ее проглотить,

и решила мирно расстаться». Растерянная, разочарованная таким ответом родного человека, она расплакалась и ответила ему: «Спасибо, сынок, за комплимент!» У автора хватает мужества и бесстрашия шутить даже над собой и с достоинством выходить из разных ситуаций.

Юмор, глубокий и сильный, иногда жесткий, резкий, иногда мягкий, легкий, практически всегда присутствует в тексте Ф. Алиевой. Он появляется и в передаче народной мудрости, и в слове – резком, броском, и в удачно подобранной фразе, но практически всегда ее юмор неподражаем. И здесь, в новой книге, юмор является одной из незаменимых категорий структуры текста, причем он возникает, как и положено ему, неожиданно, внезапно.

Посредством юмора Фазу Алиевой поднимаются важные и нужные темы, решаются разные проблемы. Она может затронуть читательское сознание или сердце, как мы сказали, не только названием или эпиграфом очередного рассказа, но и иронией, юмором, сатирическим слогом. Благодаря легкой иронии, простому слову (глубокого содержания), меткому юмору она может разрешить любую ситуацию, может заставить читателя задуматься над вечными вопросами бытия. Вот один из примеров юмористического решения вопроса из рассказа «Генеральная репетиция». Объем рассказа – едва лишь одна страница, но какая глубина! Была бы у меня возможность дать название новой книге, я даже назвала бы ее «Ценой добра, или Генеральная репетиция», исходя из содержания и глубины смысла рассказанного автором.

Можно сказать, подобранный автором эпиграф «Смерти можно бояться или не бояться – придет она неизбежно» (И. Гете) уже сказал читателю, о чем пойдет речь в рассказе. Но здесь очень важный момент, который резко врзается в сознание читателей и заставляет задуматься о смысле практически всей его жизни. Итак, в чем же ирония судьбы или смысл серьезного, важного разговора и конечного юмора в рассказе?

Все прототипы в рассказе – живые, реально существовавшие и существующие люди. Вернувшись с соболезнования от Халун, мать срочно собирает детей к себе на «важный разговор». Фазу рассказывает сыновьям, как она ходила к Халун и очень расстроилась от увиденного. А причина ее расстройства в том, что у Халун все готово – «от мыла до савана», чтобы уйти в мир иной. И сто подушек у нее готовы, чтобы люди, пришедшие на соболезнование, могли сесть на них. Куплены кулечки, необходимые тарелки, вилки, ложки и т. д. А у Фазу Алиевой ничего не готово, она только тем и занята, что сидит, пишет, читает. Дети тоже ни о чем не думают. «Опозоритесь вы, когда меня будете хоронить. Кто вам подскажет, что и как надо делать?» – сетует героиня. Разговор для живого, нормального человека неприятный, да. Поэтому, стараясь подбодрить и себя, и мать, старшие дети отшучиваются: «Не беспокойся, мамулечка, ты нам нужна живая, ты еще долго будешь жить! Давайте больше об этом не будем говорить!» Здесь понятно естественное беспокойство родителей за детей, детей – за родителей, и в такой тревожный ответственный момент молчавший до последнего момента младший из сыновей – Джамбулат (руководитель ансамбля, как мы знаем) «серьезно, даже как-то торжественно» заявляет: «Знаете, я думаю, чтобы и мама была спокойна, надо провести генеральную репетицию». И «все дружно расхохотались». Скажем так: «устаами младшего глаголет истина».

Иному читателю может показаться, что младший сын думает только о своей работе, о своем ансамбле, что даже в такой серьезной ситуации он размышляет о «генеральной репетиции». Но здесь именно в этих фразах глубокая мудрость, широкое поле для размышления... Такую глубину мысли мог вложить в уста персонажа только истинный талант! Это гениальное решение автора. Вот он, зачин, шлепок каждому живому человеку, запрос на тему, поднятие проблемы! Еще какой! Меня сама этот рассказ потряс больше всего, что было прочитано, хотя написано очень просто, о простых житейских вещах. Ответ сына в конце рассказа может показаться даже немного небрежным. Но этот ответ звучит как звон колокола каждому живущему на земле. Весь смысл-то лежит на плоскости! Это проблема не одной семьи, не одного человека, это то, над чем должен думать каждый здравомыслящий человек, каждый из нас, каждый верующий. Все знают, что человек пришел в этот мир не навечно. Но кто из нас думает

о том, что он приготовил для вечной жизни, кто задается вопросами «С чем я уйду в иной мир?», «Сколько еще надо сказать «прости»?» и т. д. А главное, если задуматься, никто ведь не знает, когда он уйдет и успеет ли уйти достойно.

Полагаю, что этот рассказ служит напоминанием каждому из нас о том, что всегда необходимо творить добро, всегда надо успеть сказать «прости» тем, кого обидели ненароком, всегда надо быть готовым к тому, что ты можешь уйти неожиданно и, быть может, не успеешь уйти легким, чистым от греха. Своего рода «самосуд» – это единственное, что может удержать человека от совершения зла, насилия и всего дурного. Конец рассказа подстегивает к одной мысли: да, не помешало бы каждому, независимо от прожитых лет, поставить на чашу деяний свою совесть и провести «генеральную репетицию» всей жизни. Это – то самое могущество духа, когда человек сам себе может признаться, взвесить, рассудить. Думаю, что этот рассказ, хоть он и небольшой по объему, эффективнее многих томов и может служить доказательством высокого уровня художественности Ф. Алиевой и, можно сказать, является самым удавшимся рассказом ее жизни по замыслу. И наконец – вот он, блистательный акрополь ее гениальных мыслей о сути жизни.

Можно многое сказать вообще о языке творчества Ф. Алиевой, но мне хочется отметить одну великолепную черту ее языка. В отличие от новомодных, современных (постсоветских) пишущих людей, Фазу Алиева никогда не использует слово или фразу с выраженной негативной, грубой окраской. Ее слову изначально не свойствен негатив. Зло отрицается показом добра, утверждением положительного, светлого, яркого, человеческого. Непокоримая стойкость в утверждении и воспевании добра, высокая гражданственность, незыблемая преданность вековым ценностям – главные критерии ее слога. Это касается не только языка, но и самих поднятых тем, проблем, идей. Здесь применимы слова автора из рассказа «Цена добра»: «Что подделаешь, я такая родилась! Наверное, в человеческом характере есть что-то такое, что, как скелет, невозможно изменить... Я поняла, что я – море доброты, которое то бушевало, то спокойно отдыхало». На самом деле, как только Ф. Алиева берется за работу, ее слово неизменно оказывается созидательным, позитивным.

Самая главная причина ее узнаваемости – это простота и глубина мысли, открытость и чистосердечность, глубокий лиризм, мудрость высказывания, возвышенность слога. К таким произведениям тянет, они манят своей добротой, открытостью, вековой мудростью. Когда на душе тяжело, хочется обратиться к ним, к произведениям, от которых идет энергия добра, созидания. Их позитивная аура воздействует на читателя в суеде дня и тревоге ночи.

Главное в этих рассказах – не сам факт или конкретный образ, развитие какого-либо действия, а то, что они волнуют нас и после прочтения. Заставляют смеяться, грустить, сопереживать, сочувствовать каким-то моментам из жизни героя, думать о более тонких, глубоких вещах, о ценности человеческой жизни, ставят перед необходимостью быть добрее и человечнее. С каждым рассказом читатель вновь и вновь открывает для себя такие качества человека, как добродушие, терпение, великодушие, умение прощать, сочувствовать, сопереживать, задумываться о тех вещах, о которых некогда думать, а надо бы, стоило бы. Каждая книга Фазу Алиевой развивает у читателя умение слушать свое и другое сердце.

Здесь можно было бы еще продолжить рассказ о книге, о широте охвата материала, о проблемах, о языке, слоге и других характеристиках непревзойденной манеры Ф. Алиевой, но не хочется утомлять читателя долгими размышлениями своего предисловия и нарушать гармоничное воздействие слога Фазу. Перед нами блестящий пример того успеха работы обеих рук, о котором сказал Р. Абдулатипов в своей книге (эпиграф к статье). Мы видим блестящее сочетание таланта и чувств, знания и совести Фазу Алиевой. Не призываю ожидать от настоящей книги каких-то чудес, хочется просто пожелать читателю проникнуться теми ощущениями, которыми автор делится с ним. Как говорил В. Г. Белинский, «гений создает оригинально, самобытно, т. е. воспроизводит явления жизни в образах новых, никому не доступных и никем

не подозреваемых; талант читает его произведения, упоется ими, проникается ими, живет в них».

Уступаю место читателю для упоительного чтения и соприкосновения с прекрасным. Предоставляю также время тем, кто по прочтении книги проведет «генеральную репетицию» по совести, чтобы жизнь была полнее, добрее, светлее и чище.

*Мариза Магомедова,
член Союза журналистов России,
зав. Рукописным фондом ИЯЛИ ДНЦ РАН*

Корни все – под левою рукою

*Родина!
Скажи мне, кто впервые
Научил меня любви такой,
Кто вписал мне в сердце твое имя,
Чтоб всегда стучало под рукою?*

Фазу Алиева

«Родину любят не за то, что она велика, а за то, что она своя».

Л. Сенека

Однажды мы с бабушкой возвращались с мельницы. Она находилась за аулом, где заканчивалось обширное поле Талаар. У бабушки за спиной был маленький мешок муки, эта мука очень ценится в горах – смесь помола черных бобов и ячменя и называют ее бобовой мукой. Сейчас, когда с гор едут в город в гости, как деликатес привозят эту муку в подарок. А я несла сверток с жареной мукой, это – тех (толокно). Молодежь ее называет «скорая помощь», потому что ее не надо специально готовить: варить, жарить. В муку крошат немного сыра и замешивают в горячей воде, можно добавить и масло. Получается такая вкуснятина, и разносится по всему дому очень аппетитный аромат.

Это было ранней весной. Мы подошли к Талаар, поле было пестрое, кое-где еще лежал снег, а проталины черными пятнами напоминали о пробуждении природы. Вдруг бабушка остановилась, лицо ее сияло, глаза блестели.

– Фазу, иди ко мне, стань поближе!

– Что ты увидела, бабушка?

– Я вижу настоящий алакат (чудо). Вон, смотри, там снег, и на нем цветок. Он сумел пробиться из замерзшей земли, терпел ожоги снега, и все для того, чтобы дарить нам радость!

– Бабушка, я такого не видела никогда, – и я протянула руку, очень хотелось его сорвать.

– Не тронь, он рожден дарить людям красоту и радость, а ты хочешь его убить. Смотри никогда не рви ранние цветы, ведь у них очень короткая жизнь, они хотят радовать людей, дарить им свой аромат, освещать их сердца.

Мы пошли медленнее и увидели еще два подснежника. Во мне пробудилось что-то светлое, и начали стучать на самом дне сердца слова:

*От удивленья широко
Пред тем, как этот мир широк,
Свое ребяческое око
Раскрыл голубенький цветок.*

И до сих пор во мне живет память о том первом цветке, не завял тот подснежник, который я увидела впервые на снегу.

Мы по пути собирали траву, бабушка всегда запасалась на зиму тмином, мятой, чабрецом и многими другими целебными травами, сушила их в тени, покрыв марлей, а затем в марлевых мешочках укладывала в цагур (большой деревянный шкаф). Она знала, отвар какой травы вылечит ту или иную болезнь. Но главными в ее аптеке были тмин и мята.

Идем дальше, перепрыгивая маленькие камни и обходя большие, бабушка тихо читает молитвы и иногда, останавливаясь, благодарит Аллаха за эту красоту, за то, что она родилась

и живет на этой земле такой щедрой и благодатной, она гладит эти колючие камни. Я думаю, какая же в этих камнях красота, что с того, что они вечно торчат, не шевелясь веками, так и стоят? Какая польза в них: на них не растет трава, и пшеница не зреет? Но вдруг моего слуха касается тихий напев. Я огляделась, не птичка ли это поет для меня. Остановилась и бабушка.

– Слышишь, Фазу?

– Слышу!

– Здесь недалеко должен быть ручей! – Она сделала несколько шагов, и я за ней. – Вот он! – засияло бабушкино лицо.

И я вижу, как по ложбинке почти незаметной струйкой вьется тонкий ручеек, мелкие камни он перепрыгивает, а большие обходит, как опытный и мудрый человек. Это он пел, я слышала эту мелодию первый раз – она такая нежная, полная любви и удивления, где-то голос повышался, где-то понижался, мелодия маленького ручья оживила окрестность.

– Бабушка, о чем поет ручей?

– Он радуется, что родился, что судьба подарила ему дорогу, хоть узкую, но свою, он поет славу небу и земле, хвалит нас с тобой, что мы с таким восторгом слушаем его песни.

И эта мелодия маленького ручья смешалась в моей крови и навсегда осталась в сердце. И в любое время я, закрыв глаза, представляла себя на том месте, видела тот ручей и слышала его песни, и вся моя печаль становилась светлой, и сердце наполнялось желанием найти свою собственную дорогу, как тот ручеек из детства, хоть узенькую, но свою.

Как-то ко дню Ураза-байрама наш родственник Магомед из Гоноха подарил мне маленького ягненка. Тогда, хоть религия была под запретом, люди были добрые и очень щедрые. В мусульманские праздники особым вниманием окружали сирот. Бабушка наставляла меня:

– От этой ярочки можно целую отару вырастить. Ты с нее глаз не спускай, сама ухаживай за ней – корми, пои, выгуливай, паси, как следует.

Я полюбила ее и все, что могла достать съедобное, давала ей, и она, как верный песик, всегда следовала за мной. Однажды я пошла за водой в горы, там был маленький родничок, и воду для питья аульчане брали оттуда. За мной бежала моя ярочка, которую я назвала Находка. Я поставила кувшин около родника и стала бегать по зеленому лугу. Находка временами останавливалась и щипала то слева, то справа траву и догоняла меня. Мы заигрались, я забыла обо всем на свете и даже зачем я сюда пришла. И вдруг с вершины гор и ущелий стало раздаваться: «Фазу! Фазу! Где ты?» Все кругом протяжным звуком было охвачено моим именем. Я испугалась, почему горы кричат, откуда они знают мое имя. Я стала кружиться, искать, сама не зная чего, и увидела на холмике недалеко от родника бабушку.

– Я здесь, бабушка! Я здесь, бабушка! – вторили вершины и скалы.

Я побежала к роднику, Находка за мной, бабушка тоже спустилась туда.

– Вай, Фазу, я не знаю, что с тобой делать, если бы я не пришла, ты осталась бы здесь до утра. Сколько раз тебе говорю: прежде чем мечтать и витать в небесах, смотри под ноги, не отрывайся от земли. Быстро наполняй кувшин и домой.

– Бабушка, откуда горы знают мое имя?

– Я им сказала, – улыбнулась бабушка.

– А что, горы понимают наш язык?

– Да, если их сильно любить, они все понимают.

Я шла домой, и внутри меня гремел голос вершин, передающий мое имя друг другу: «Фазу! Фазу!» И этот голос остался во мне на всю жизнь.

В тот день, когда я пошла к озеру, что за нашим аулом, небо было ясное, чистое, только белые облака гуляли по небу, они-то догоняли друг друга, то крепко сливались, будто обнимались, то расходились, как бы характером не сошлись. Я с удовольствием наблюдала их, и вот на моих глазах они начали менять белый цвет на серый, потом на черный. Резко стало темно, и загремел гром. Казалось, вершины гор трясутся совсем рядом, вдали вспыхивала молния,

искривлялась огненными ветками, началась гроза, и пошел ливень, будто небо порвалось по всем швам. Навстречу грозе простираю я руки в восторге, и зажигаются во мне все пузырьки, что вздуваются и гаснут на земле, мелкие горошины града жемчугами падают на дно моего сердца, и с каждым мгновением душа становится бездонной. И не бегу я домой, а стою, охваченная этой красотой и буйством. Косички мои прилипли к спине, я снимаю уже водою наполненные мачуял (кожаные тапочки), и мои босые ноги сливаются с орошаемой землей, голова моя до предела откинута назад, восторг мой не помещается в моем сердце и душе, и в этот момент появляется передо мною бабушка, покрытая клеенкой с нашего стола.

– Я так и знала, что только ты можешь, как ненормальная стоять под дождем. Ну что мне с тобой делать, Фазу? – плаксивым голосом сказала бабушка.

– Посмотри, как красиво, бабушка!

– Сколько ни говори, до тебя не доходит, свинец, что ли, залит в твои уши, я иногда думаю, что у тебя есть какой то придуманный свой мир, ты не такая, как все.

Она потянула меня за руку, между тем гроза начала утихать, а когда мы уже входили в аул, я крикнула, хлопая в ладоши:

– Бабушка! Смотри – радуга!

– Говорят, что радуга всегда к счастью. Дай, Аллах, земным людям, твоим рабам, покой. Дай страдающим терпения, голодным – хлеб, больным – выздоровление. Пусть найдут души умерших на райских деревьях веточки наслаждения.

– Бабушка, как получается радуга?

– Это знает только Аллах, человек не может об этом рассуждать, мы не можем знать, почему весна заменяет лето, а лето – осень, а осень передает все свои права зиме. Точно знают, что радуга – это весточка с небес, она к счастью. Иншаалла, иншаалла! Посмотри, как сплелись его цвета, и, говорят, каждый цвет имеет свой смысл, который становится талисманом, и радуга несет счастье тем, кто ценит свою землю, на которой он родился, и тем, кто желает добра другим людям.

А я шла вся охваченная восторгом, мне казалось, что радуга, разделившая небо пополам, одним концом упирается в гору, а другим – в мое сердце. Ах, если бы я могла намотать ее на руки, что бы я сделала с его семью цветами?! Не стала бы назначать цену и мерить ее, как отрез на платье, я даром бы раздавала всем его семь чудес. И на всю мою жизнь осталась эта радуга во мне. Вот она – я вижу ее ясно, как тогда эту радугу-дугу. Она так и осталась во мне.

Я уже хожу в школу, и наша учительница Хажа повела нас однажды в горы, конечно, не очень далеко, ведь мы еще маленькие – первоклассники. Кругом скалы и камни, местами – деревья и лес. Кроны деревьев – сосен и берез – качаются от ветра, то сходятся близко-близко, то с шумом расходятся, будто обижаются друг на друга. А в земле, промытой дождями и снегами, обнажились их корни, твердые, как из стали. Они переплелись друг с другом, и никто не может отличить, какой корень от какого дерева, и никакая богатырская сила не сможет их разделить. Я уже не замечала ни кроны, ни ветки деревьев, я теперь видела только корни, которые самоотверженно отдавали друг с другом свое тепло и силу. И на всю жизнь во мне остались эти скалы и горы, деревья, их качающиеся кроны и скрученные друг с другом их твердые корни.

Недалеко от нашей школы находилась пропасть – Цоботль. Я каждый день бегала туда, когда стоишь на скале, видишь три кипящих водопада. Они очень живописны, поэтому занесены в умные книги как чудо природы. То скачет, то плавно плывет молодая река, чтобы однажды, не моргнув, с высоты броситься головой вперед, а затем разбиться в глубокой пропасти. Так рождается водопад, и над голубым столбом падающей воды в тысячах лучей солнца преломляются брызги летящей воды, которые превращаются в мелкую-мелкую морось – такую влажную дымку. И на платье моем остаются темные, влажные крапинки-жемчужинки. Я стою,

как замороженная, и в сердце мое с какой-то силой врывается этот водопад, доводя мои чувства до кульминации, он становится моей защитой и талисманом!

Отчего это мне с самого детства слышится жужжание божьих коровок? Да, именно с того дня, когда я лежала на зеленом лугу. Эта букашка прилетела и села на мой локоть. Твердые, будто покрытые красным лаком, крылья дрожали, на них сверкали черным жемчугом мелкие крапинки. Я боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть ее. «Какая красота!» – любовалась я совершенством этого божьего создания. А она как-то без особой спешки совершила путь от моего локтя до конца среднего пальца. Остановилась на миг, расправила крылья и улетела не в никуда, а прямо в мое сердце. Так она осталась со мною навсегда.

Я облетела почти весь мир, и со мною всегда были эти чудеса моей земли, и дагестанское жаркое лето, и подмосковные рощи в снегах. На любых путях: воздушных, железнодорожных, шоссежных, как зажженный чирах (лампа), мне светился тот первый подснежник на снегу. В памяти и тонкий, поющий свою собственную песню, радующийся жизни черный ручей. Со мною и та моя ярочка – Находка, везде со мной горы, вершины, ущелья и скалы кричащие голосом бабушки: «Фазу! Фазу!» Эхо, гроза и ливень, заставшие меня у аульского озера, вижу мои руки, протянутые навстречу грозе, и та светящаяся семью цветами радуга – она в моем сердце не гаснет.

Мне всегда кажется, что те корни деревьев, скрученные друг с другом, дали мне жизненные силы. А как похожа я на тот водопад, который с высоты бросается в неизвестность, чтобы продлить свой путь. Та божья коровка с красными крыльями и черными крапинками из моего детства до сих пор продолжает путь от моего локтя до среднего пальца, вызывая во мне умиление и радость.

И это все называется моя родная земля – моя малая Родина, которую я так крепко любила с раннего детства. Не знаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы не моя незабвенная и мудрая бабушка. Она не читала никаких книг, кроме Корана, черпала оттуда знания, поэтому она любила жизнь, свою землю, на которой жила, ценила каждого человека и природу. И все это с умением опытного педагога и психолога она передавала нам, своим внукам. В ее арсенале воспитания были не только назидания и запреты, она учила нас наблюдать и чувствовать природу, быть терпеливыми, щедрыми и снисходительными, своим примером доказывала, что только кропотливый труд делает человека уверенным, что только настойчивый добивается успехов в жизни.

*И руки в молитвенном обращении
Тяну я в пугающую пустоту.
Не так уж темна и бесталанна,
Но книга добра и любви, и труда,
Книга природы,
Полной тумана,
Для меня останется навсегда.
Но твердо знаю, привязанность с детства
К земле, наполненной красоты,
И к неоглядному небу
В наследство
Мне оставила только ты.*

Бабушка научила меня не только любить жизнь и родную землю, она открыла мне прелесть родного моего аварского языка, а главное – научила чувствовать слово.

Мой аварский язык,

*Он с орлиным знаком!
Подарила его мне с грудным молоком,
Подарила мне его простая горянка.
Пусть немного он груб,
Но, рожденный на скалах,
Он рекою озвучен,
Горами храним...
Я его с молоком материнским впитала,
С молоком подарила
И детям своим!*

Сколько легенд, пословиц было спрятано для меня в гуще родного языка, ключи от этого клада бабушка вручила мне. Маленькой девочкой я думала, что все говорят только на моем языке. Но вскоре я узнала, что есть и другие языки, а через русский язык я приобрела настоящее богатство, он открыл мне не только окно, но и двери в духовное наследство мира. Эти два языка – как два солнца во мне. Это языки моей Родины. Священный Коран на самом почетном месте, хоть я не знаю арабского языка, читаю его лишь в переводе. Окружена я книгами гениев, великих мыслителей, поэтов. Это тоже моя вотчина, потому что эти авторы служили своей земле – родине, народу. Выросшая на этих ценностях, с малых лет влюбленная в свой край, я с сознательного возраста служила тебе, мой родной Дагестан.

*Я еще не вымолвила «мама» —
Это слово первое в судьбе,
А уже тогда из сердца прямо
Проросло зерно любви к тебе.
Я давно уже опора маме,
И сама я – мама,
И теперь
Держит душу крепкими корнями
Дерево любви моей к тебе.
Я держу плоды на нежных ветках,
Корни все – под левою рукой...*

Удивительный край, наш Дагестан! Уникальна у него не только природа и история. Просто диву даешься, как на таком маленьком клочке земли могло всегда сосуществовать столько народов и народностей. Как переплетенные корни вековых деревьев, мы давно стали единым дагестанским народом, ведь мы интернационалисты по своей сущности. Кто только ни пытался покорить нашу землю! Только сплоченность и взаимоподдержка спасали нас от порабощения и рабства. Чувства единства и терпимости у нас в крови – это уже на генетическом уровне, поэтому я смотрю в наше будущее оптимистично – у Дагестана прекрасное завтра, мы сильны единством и сплоченностью.

Мой любимый русский поэт Василий Федоров, наверное, сказал именно о нас:

*Грозит, враждуя, крона кроне,
Шумит, оспаривая высь.
А между тем в земле их корни
Уже давно переплелись.*

Да, мы давно переплелись, и в этом наша сила и мощь. Нет на свете силы, которая могла бы разъединить наши корни, которые так крепко связаны нашим легендарным прошлым, прекрасными обычаями и традициями, генетической памятью народа, судьбами и героическими свершениями на благо любимого Дагестана. Сегодня нужны для стабильности и процветания межнациональное согласие и мир.

Любить свою землю – это значит замечать даже малейшие ее красоты, питаться ее соком и духом народа, стараться обогащаться и развиваться и создавать в сердце своем миниатюрный портрет своей, только своей малой Родины. Только этот образ поможет современной молодежи полюбить и Дагестан, и великую Россию, и в какую бы сложную ситуацию ни попадут люди, они никогда не свернут с верного пути. Этот путь приведет к кладу духовного богатства, где кроются главные человеческие добродетели. Те, которые формируют личность, – это достоинство и честность, мужество и независимость, терпимость и любовь к Отечеству. И тогда в наших сердцах навсегда закрепится вечное стремление к нравственной чистоте.

Это я видела сама

*Держу в руке кусочек хлеба,
Он мягче пуха, ярче дня,
Сошлись в нем и земля, и небо,
Он слов понятней для меня.
У памяти любые средства:
Кусочек хлеба – дом родной!
И голодающее детство
Мое встает передо мной.*

Фазу Алиева

*«Все, что земля дает человеку, – это лекарство. Но требуется
большое желание и неустанный труд познать их назначение».
Моя бабушка*

Хузайпат была третьей женой Камиля, от первых двух не было детей. Весь аул радовался, когда стало известно, что Хузайпат беременна. Она родила сына, и назвали его Амином. Он родился крепенький, с хорошим ростом и весом, как положено целый год кормился материнским молоком. Но к трем годам малыш изменился, стал вялым, ничего не хотел есть и так похудел, что стал просто прозрачным, можно было пересчитать все ребра и кости.

Однажды мы с бабушкой возвращались с поля и встретили Хузайпат с сыном. Она выпустила руку ребенка и отвела бабушку чуть в сторону.

– Ой, Патимат, ты же все знаешь, что Амин у нас единственный, и такое горе: он тает на глазах, ничего не ест, воды, и то в день пьет всего несколько глотков. Врачи ничего не могут сделать, талисманы и молитвы тоже не помогают.

– Не расстраивайся, Хузайпат, все в руках Аллаха, дети то худеют, то поправляются; увидишь, он тебя удивит – станет сильным!

Бабушка опустила голову, а потом подняла до отказа вверх, посмотрела на небо:

– Знаешь, Хузайпат, мне Аллах напомнил одно чудо, что произошло с девочкой. Сейчас все как раз собирают чеснок. Возьми большой таз и иди, не стесняйся, в каждый дом, пусть, кто сколько головок не пожалеет, бросит в него чеснок правой рукой со словами: «Субханаллахи ва ни'мал вакил». Завтра пятница, приходи после этого с чесноком и с мальчиком ко мне.

– А Амину что кушать? – удивилась Хузайпат.

– Дальше Аллах подскажет, иншаалла...

Хузайпат пришла с огромным тазом, доверху наполненным свежим чесноком. Бабушка нас заранее предупредила, чтобы мы не снимали с чеснока первый слой, а только делали вид, что чистим его.

– Пусть Амин снимет, ведь его надо лечить, – сказала она нам.

Так и сделали. Амин очень быстро устал, но не бросил начатое дело. Вдруг он подошел к матери и шепнул ей что-то на ухо.

– Я пойду, покормлю его и приду, – встала Хузайпат.

– Нет, сегодня пятница, я приготовила хинкал, все вместе и покушаем! – сказала бабушка. – Фазу, принеси сюда зеленую кастрюлю.

Я сперва постелила войлочный коврик, сверху сделанную из лоскутков скатерть. Первый хинкал взял Амин.

– Первый раз вижу, чтобы мой сын захотел кушать! Мы все смотрели, как радуется Хузайпат, и ели хинкал, макая галушки в чесночную подливу, разведенную на кислом молоке. И Амин стал макать хинкал в чеснок и аппетитно их уплетать. Хузайпат приходила к нам ровно неделю. Она рассказывала, что сын и дома все время требует хинкал с чесноком. Через год Амина трудно было узнать: щеки его надулись, он заметно подрос, уже бегал с мальчишками по улицам, и Хузайпат опять забеременела.

Что это было, я не знаю, но я видела собственными глазами, как чистка чеснока вылечила мальчика. Много раз спрашивала об этом у бабушки, а она, подняв глаза к небу, говорила:

– Я не знаю, Аллах подсказал. Я вспомнила, как однажды бабушка моя заставляла мою заболевшую сестру Айзанат чистить целое ведро чеснока, и она выздоровела. Алхамдулилла, Аллах, что и я почти ничего не забыла из того, что делала моя бабушка, а ее притчи, пословицы, которые проповедовали нравственность и человеколюбие, как резьба на камне, остались в моем сердце.

Слеза Родниной

*Везде – под сводами отеческого крова
Иль там, где так шумны чужие мне
края,
– Мне слышится твое напутственное
слово,
О Родина моя!
И если вдруг иду печальною тропой,
И взору видится иная колея,
То знай, что я винюсь перед тобою,
О Родина моя!
В меня ты столько сил и мужества
вдохнула,
Что тропка сделалась дорогой бытия,
И по тому пути, смелая, я шагнула,
О Родина моя!*

Фазу Алиева

«Нет на свете места приятнее домашнего очага».

М. Цицерон

В жизни бывают такие события, которые, на первый взгляд, не очень важные, но порою они становятся знаковыми, знаменательными в судьбе. Так у меня навечно осталось в сердце фигурное катание Ирины Родниной. Она ежегодно выходила победительницей на всех международных соревнованиях, и вся страна тогда переживала и болела за нее.

Несмотря на то, что в каждом доме уже были телевизоры, женщины собирались вечерами то у одной, то у другой, чтобы вместе любоваться нашими великолепными фигуристами. Так как у нас в доме не было мужчины, чаще всего все собирались у нас. Каждая приносила с собой подушку, табуретку, чтобы устроиться поудобнее. Когда собирались по другим поводам, женщины приносили с собой то шерсть чесать, то нитки носки вязать, то веретено крутить. Но когда приходили болеть за Роднину, брали только четки – читать молитвы, просить у Аллаха, чтобы она непременно победила. Сидели молча, напряженно, время от времени подбадривали Ирину, называя «горная лань», «ласточка», «звездочка».

А я боялась даже дышать, смотрела так, что ни одного движения не пропускала. Мое воображение уносило меня на лед, мне казалось, будто это я под восхищенные взгляды зрителей танцую, а мои длинные косы летают вместе со мной в такт музыке.

Так шли дни чемпионатов, и, наконец, наступает финал, когда подводится итог и Роднина поднимается на высшую ступень пьедестала почета. Она казалась изваянием Рафаэля, будто статуя из слоновой кости. Ее бездонные большие глаза были обращены вдаль, губы едва заметно шевелились, первые же звуки гимна Советского Союза как будто радугой осветили ее. И крупный план долго держит эти прекрасные глаза.

– Да она плачет! – привстала Савдат, и за ней встали все.

Слезы застывали на щеках Ирины, две крупные прозрачные капли радости за себя и гордости за Родину, благодаря которой она поднялась на этот пьедестал. Эти крупные чистые слезы, идущие из глубины сердца Родниной, попали и в мое сердце, и я ношу их столько лет в себе. Они не растеклись, не растворились. Они – эти хрустальные капли – сохранились во мне

и в сердцах других, потому что они символизировали любовь и преданность Родине. Вместе с Ириной плакали и мы. Это были слезы радости и гордости за великую страну.

В этих слезинках был весь мир, в них и блаженство маленькой фиалки с ее неповторимым ароматом; задумчивость ромашки полевой, что солнцу навстречу широко раскрывает свои желтые глаза и может смотреть прямо в солнечное око, лениво покачивая головой. В них мощь сосен, что переплелись корнями, таинственность белоствольных берез, которые тоже умеют плакать; в них маленькие села, утренний крик петуха, мычание коров, клекот орлов, задушевные песни соловьев; в них все – от морей и полей, гор и ущелий. Слезы Родниной горят в моем сердце как вечный огонь...

*Что наполняет доверху меня,
Что из души светло и беспричинно
Исходит, словно через край кувшина
Струится влага, призрачно звеня?
А это – солнце, пышущее жаром,
И свежесть рек, и снега чистота, —
Та чистота, что не дается даром
И вся сквозным сияньем налита.*

Мои печальные тропинки

*Самой не верится!
А я ведь
Была действительно другой.
Но не могу себя представить
Той – не убитою тоской.
Той – не желавшей лучшей доли.*

Фазу Алиева

«Досада – это сожаление об упущенной возможности».

Э. Севрус

В высокогорном ауле моем не росли деревья, хотя земля была черноземная, после вспашки казалось, что она живая. Возьмешь горсточку в ладонь, она греет все тело. Что-то загадочное было в ее крупинках, похожих на мелкие шарики. А если долго молча смотреть на нее, в сердце становится светлее...

И люди ценили эту землю, холили ее. На ней росли пшеница и ячмень, в ней под скромными кустиками созревала картошка. На ней колыхался лен. Что только ни давала эта земля тем, кто ее любил, кто верил в ее щедрость и доброту. Ни один человек не осмеливался пройти короткой дорогой через вспаханное поле в аул. Между делянками, как ленточки, проходили тропинки. Каждый аульчанин знал, какая тропинка ведет к его делянке. Завяжи ему глаза, он не заблудится, прямо попадет к своей делянке.

И у меня с детства была своя тропинка, светлая, звонкая; и каждый день на делянку нашу, и в школу, и обратно я своей подпрыгивающей походкой спешила по этой узкой тропинке. И по дороге весь мир кружился вместе с моими мечтами. Кругом горные вершины, покрытые вечными снегами, приветливый ветерок доносил до меня шелест трав альпийских лугов. Меня сопровождали, почти касаясь плеч, белогрудые ласточки, надо мною жаворонки пели свои восторженные песни.

О эти аульские тропинки, что резьбою остались в моем сердце; никакие годы, так быстро и незаметно летящие, не смогли стереть из памяти эти путеводные ниточки. Где бы я ни была, какие только дороги ни преодолевала, мне мерещилось, что я иду по тем тропинкам. И в далекой Австралии, и в экзотической Бразилии я как бы шла по родным тропинкам, полная негасимым чувством любви к ним. Пила я радость солнца, обжигаясь и свой восторг умножая, пила и горечь яда, ошибаясь. Но все тогда казалось радостью, ведь звонко пела тропинка под ногами. До вершин гор рукой подать, а там встань на цыпочки – звезды с неба можно достать. Я уже другая, в меня в десять струй льется печаль.

*Но в памяти хранилась нерушимой
Тропинка, что ведет в аул родимый.
Не год, не два в моем скитанье долгом
Меня томил он неоплатным долгом.
Но вот судьба мне даровала милость —
Сюда хоть погостить я воротилась.
Не я вернулась, а ко мне вернулись
Изгибы узеньких аульских улиц,
Над пропастью – уступы плоских кровель,*

И брызги слез, и звон счастливой крови.

О эти тропинки, ведущие в родной аул! Они все лучезарнее светятся под моей печалью и тоской, и горькая мысль, что я вряд ли еще смогу пройти по ним в аул, печалит мое сердце. Эта печаль моя светла, и благодарно я поднимаю к небу руки: «Алхамдулилла, Аллах, я еще жива Вашей милостью, я еще вижу с этих узких тропинок весь мир. Знаю, что я их унесу с собой в небытие».

Гармония одиночества

*Блаженный сон забыл ко мне дорогу,
Обманчивый покой меня оставил.
С безмолвною переплетясь печалью,
Как две змеи, мы с нею неразлучны
До самого рассвета.
А рассветы
Теперь всегда туманны и безлики.*

Фазу Алиева

«Одиночество нельзя заполнить воспоминаниями, они только усугубляют его».

Г. Флобер

Сколько я помню себя, с самого детства моей душе чего-то не хватало; где-то там, внутри, всегда жила какая-то смута. Что я искала, к чему стремилась? И с годами эта боль углублялась... Я уходила в одиночество и потому еще больше сближалась с природой, она стала частью меня, и только в ее гармонии я находила опору и утешение. В ней все меня удивляло. Даже самая мелочь, замеченная мной, рождала восторг и вдохновение, окрыляла мои мечты и звала куда-то...

Вся жизнь моя, как черной буркой, окутана одиночеством. Помню, застигнутая сильным ливнем, я спряталась в маленькой пещере Акаро-горы. Гром гремел так, что казалось, дрожат горы. Но я не боялась, что останусь под каменным обвалом, напротив, гром разбивал ту тоску, которая томила мою душу; в раскатах грома я слышала зов, но куда он звал – еще не знала. Вспыхивали молнии, огненными стрелами целясь прямо в мое сердце, и чувствовала я, что они зажигают меня, наполняют силой и мужеством.

Зима. Вокруг белым-бело, снег падает крупными хлопьями; я вхожу в сугробы почти по пояс, но мне не холодно, а жарко. И во мне метель, очищающая, окутывающая все мои тревоги в белые одежды, я как в невесомости. Я между небом и землей. И чудятся мне за каждой снежинкой травы и цветы, покрывающие своим многоцветьем поля.

Я чувствую нежное дыханье весеннего ветра, который ласкает меня. Аромат вспаханной земли обжигает мне ноздри. Оказывается, все это: стремительный ливень, раскатистый гром, огненные стрелы молнии, белый пушистый снег – оставили во мне частички своего очарования...

И сегодня я стою на поляне, полная восторга и удивления. И сегодня я вижу все это, и гармония вновь воцаряется в моем сердце. И я знаю точно: одиночество души – не наказание, а дар божий.

Все меняется

*Одинокое дерево высится
На высокой горе, и орлом
Всякий раз из ущелья мне видится
Это дерево с темным крылом.
Так растет, словно было замыслено,
Как одно из редчайших чудес,
Или вправду живет независимо
От всего – от земли и небес?
И, на дерево глядя с волнением,
Ясно чувствуется, что оно
И смиреньем, и долготерпением —
Высшей гордостью наделено.*

Фазу Алиева

*«Не смерть страшна, – страшно, что всегда она приходит раньше
времени».*

С. Бородин

О Переделкино! Моя радость и моя боль. Ежегодно мы приезжали сюда с Мусой. Я имела возможность быть здесь только двадцать четыре дня, т. е. во время отпуска, потому что работала, а Муса оставался еще на два месяца. Мы жили в отдельном коттедже, окруженном высокими соснами и белоствольными березами. Это был рай. Тогда я это не понимала, а теперь ежедневно с ностальгией вспоминаю. Каждый день полчаса до обеда мы, держась за руки, шли к нашей березе; к ее стволу была привязана банка, и до нашего прихода она оказывалась полной березовым соком. стакан у нас был один, мы привезли его из дома, хрустальный, ручной работы, и из него пили; один глоток я делала, второй – Муса. Так каждый день, пока береза не переставала плакать. И каждый раз, когда я пила сок, мне становилось грустно. «Это же слезы березы», – думала я. Так красиво под лучами солнца, переливаясь, играл разными цветами густой сок. Он становился то золотым, то светло-голубым. Как мы были молоды и дороги друг другу! Казалось, что это счастье дано нам на вечность...

И теперь эта боль воспоминания, словно колючка, впивается в сердце. С тех пор, как Муса покинул меня, я ни разу не ездила в Переделкино. Зачем тревожить незарубцевавшиеся раны? Зачем заставлять их опять кровоточить? Ведь там повсюду следы нашей молодости, свет нашей любви. А стакан тот стоит в серванте, и в его гранях застыл образ высокой белоствольной березы, из раны которой капает густой сок... И не утихает моя боль по ушедшей жизни.

Я уже, Муса, другая; и смеяться я разучилась, а ведь ты так любил, когда я громко хохотала. Но ничего не забыла. Ты меня так любил; тогда это казалось обычным, а теперь все по-другому. И повторяю я стихи Тхоржевского. Боюсь смерти, того момента боюсь, когда душа отделится от тела...

Золотая осень

*Ранним утром дворник улицу метет,
Напевая песенку простую.
Отметает дворник мусор от ворот,
заодно и тьму ночную.
Дворнику известен каждый дом и двор —
Всякого немало накопилось.
О, когда бы только сумрак или сор
выметать нам приходилось!
Смотрит снова осень с грустью молодой:
Листья шевелятся под метлою.
Веет снова осень свежей теплотой,
пахнет сладкою золою.*

Фазу Алиева

*«Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра – нет».*

А. Пушкин

Странная я, слишком странная, и никому не узнать, – какая. Ни мать, ни муж, ни дети не могли понять, что у меня там внутри, потому что Аллах меня наградила сдержанностью и терпением. Ни разу, хотя причин было немало, не наругала я мужу, скандалов дома не устраивала; ни разу ни одного сына я не ударила, всегда обращалась: «Солнышко мое, так нельзя!», «Радость моя, у меня кроме вас, никого нет, вы должны радовать меня!»

Каждый раз, когда мама начинала меня ругать, я целовала ей руки. Мой муж очень любил кричать, уже с порога он начинал делать мне замечания. Я же приветливо улыбалась:

- Солнышко, иди кушать, я приготовила вкусные курзе.
- Мясные?
- Да, ты же любишь мясные.

Он вздыхал и успокаивался. А я молчала, пока он сам не начинал разговор... Никто в доме не знал, что я люблю, что меня доводит до слез. Никто в доме не знал, что я не люблю ни весну, ни лето.

Они только удивлялись, почему я не пишу в эти месяцы, а только читаю. Весною почему-то меня переполняет грусть, как будто я что-то потеряла – ищу, не нахожу. Боль не покидает сердце, вспоминаю всех умерших, хочется плакать. И так было всегда, даже среди первых стихов я нашла написанные о весне строчки:

*Кто стучится в окно природы,
Распахнувшееся настезь,
Кто берет такие ноты,
Задевает струны счастья?
Что за голос слышу, слышу?*

Я слышала голоса ушедших – брата, отца, прабабушки, наших соседок, тех, кого мы провожали на войну. Когда проходила мимо кладбища, до меня как будто доносились их голоса: Омардады, Халун, Издаг, Патимат, – и мне становилось невыносимо больно.

Не люблю и лето; не знаю почему, может, из-за жары. Мое раздолье, моя радость – осень. Я становлюсь совсем другой: все, что застыло, окаменело во мне весной и летом, пробуждается, возрождается к жизни; отовсюду звучит призыв: «Пиши! Пиши!» И я начинаю писать, только успевай донести мысли от головы до белого листа. Что-то пьянящее, чарующее дарит мне каждый опадающий лист дерева. Цвета багровые, желтые, где-то еще зеленые складываются в необыкновенные картины. А небо осенью такое высокое, гораздо выше, чем весной и летом, и чистое до хрустальной голубизны. Вот лист упал на мою голову, он такой прозрачно-желтый, хрупкий. Я смотрю на дерево, не плачет ли оно по своим листочкам, мысли складываются в стихи:

*О дерево, поведай мне: и ты
Обречено страдать во время родов?
Так почему же не трясет природу
Твой крик, когда рождаешь ты цветы?
О дерево, а плачешь ли и ты,
Как скорбно плачут матери о детях?
Что ж я не слышу плач и стоны эти,
Когда на землю падают плоды?*

Я бегу домой, пока мысли тянут меня. Ах, осень! Ты мое вдохновение, ты огонь моего трудолюбия.

Вот и первый снег, моя слабость и мой полет. Снег идет большими хлопьями, густо, и одна снежинка, словно крылом, касается другой. Я стою очарованная, будто между небом и землей. И каждая снежинка несет мне с высоты эти мудрые мысли. Я наполняюсь ими, как пчелиный улей пчелами, которые потом летят, чтобы собрать нектар. Я бегу, сама не знаю куда. Все белым-бело, и мысли мои, как снег, белые, но горячие, обжигающие.

Мои бабушка и мама любили все времена года, а от кого у меня такая любовь к осени и зиме и равнодушие к весне и лету? Помню горячий хлеб с сыром, что аульчане раздавали, когда завершалась уборка на полях. Этот волшебный вкус я чувствую и сегодня. А в первую зимнюю ночь зажигали костры: молодежь – на скалах, а пожилые на крышах домов. Мы, дети, радовались, перепрыгивали через костры, а бабушки читали молитвы.

*Пусть никогда никто под этим небом
Не будет обделен насыщенным хлебом,
Но будет, как всегда, как в пору голода,
Хлеб слаще меда и ценнее золота.*

Генеральная репетиция

*Мне искренность моя грозит бедой
И в то же время от беды уводит.
Она – цветок, в нем кто-то яд находит,
А кто-то сок, медвяный и густой.
Двойное у цветка предназначенье,
И не похожа на пчелу змея.
Так будь же век со мной, мое мученье,
Мое спасенье – искренность моя.*

Фазу Алиева

«Смерти можно бояться или не бояться – придет она неизбежно».

И. Гете

Как-то все мои дети одновременно пришли ко мне.

– Как хорошо, что никто никуда не уехал и все собрались вместе. Я хотела серьезно с вами поговорить.

– Ты уже сто раз поговорила с нами серьезно, думай о своем здоровье; ты еще тридцать лет будешь жить и командовать нами, иншаалла! – улыбнулся Расул.

– Вчера я ходила к Халун и очень расстроилась. У нее, наверное, сто подушек, пушистых, словно внутри тесто на дрожжах; все одинакового размера, но из разных тканей: бархата, парчи, сатина, ситца. Она их шьет, чтобы пришедшие после ее смерти на соборезнование могли на них сидеть, дом блестит, как зеркало невесты; чтобы садака раздавать, она купила одинаковые кулечки; тарелки, вилки, ложки завернуты в белоснежные полотенчики. А в чемодане все – от мыла до савана, чтобы нарядной уходить в иной мир. Вы ни о чем не думаете, а я сижу, пишу, читаю. Опозоритесь вы, когда меня будете хоронить. Кто вам подскажет, что и как необходимо делать?

– Ты же нам уже сто раз сказала! Зачем подушки? У соседей возьмем стулья, если нужны будут, и столы. Не беспокойся, мамулечка, ты нам нужна живая, ты еще долго будешь жить! Давайте больше об этом не будем говорить! – успокаивал меня, а заодно и себя Махач.

– Знаете, – очень серьезно, даже как-то торжественно, сказал молчавший до сих пор Джамбулат. – Я думаю, чтобы мама была спокойна, надо провести генеральную репетицию.

И все дружно расхохотались и перешли на другую тему.

Мамин наперсток

*У мамы на виду не устаю
Я женщину счастливую играть,
Какой всегда, наверно, дочь свою
Мечтает видеть любящая мать.
Но вздох ее горяч и поделом,
Как пар над закипающим котлом.
И полон скорби взгляд пытливых глаз,
Как черным углем, наш зеленый таз.*

Фазу Алиева

*«Мы любим сестру, и жену, и отца,
Но в муках мы мать вспоминаем».*

Н. Некрасов

Можно сказать, без сомненья, что у моей мамы была одна вещь, для нее бесценная и ревностно ею хранимая. Где она ее хранила днем, никто не знал, но долгими вечерами она надевала ее на средний палец и начинала штопать наши лохмотья. А во время войны мама пришивала пуговицы и делала петельки к ватным безрукавкам и фуфайкам, которые шили бабушки и ее подруги. Потом выяснилось, что таинственная вещь имеет название – наперсток.

Каждый раз, когда мама надевала этот наперсток, она так горячо вздыхала, как будто выпускала из себя кипящий пар, и говорила: «Когда я вышла замуж за Али, он привез меня в Махачкалу, тогда военные жили в казарме. Как-то повел Али меня в гости в одну семью. Хозяйку звали Патимат. Все называли ее Цурмилова Патимат. Женщина была как царица. Каждое ее движение, осанка, голос входили в сердце, как красивая песня. Тогда я не могла отвести от нее глаз, а потом она стала мне близкой и родной. Я, приехавшая из аула, не знала, как себя вести; больше молчала, боялась, что скажу какую-нибудь глупость. Когда мы собрались уходить домой, она подарила мне этот наперсток и сказала, чтобы я берегла его на счастье».

Наперсток серебряный; не знаю, какой терпеливый и искусный мастер его сделал. Все, кто видел этот шедевр ювелирного искусства, долго рассматривали его и восхищались. Наперсток был покрыт мелкими шариками, будто бисером, а чуть ниже середины, словно пояс из цветов на черной эмали, его завершала тонкая, красива канва. У нас не было особых ценностей: революция отняла у моих предков все. Мы жили в чужом доме, и нам, детям, казалось, что если есть в доме дорогая вещь, то это мамин наперсток.

Когда исполнилось мне шестьдесят лет, мама позвала меня и достала заветный наперсток. Я удивилась: как же она его сохранила? Мама торжественно вытащила из-под подушки, на которой спала, стертый кожаный маленький кошелек – оттуда уже посеревший комочек ваты.

– Я хочу подарить его тебе, – сказала она, нежно поглаживая наперсток своими узловатыми пальцами.

– Не надо, мама, ты ведь так его любишь, – запротестовала я.

– Глаза уже давно не видят, любоваться им я уже не могу, а шить – тем более, – улыбнулась она.

Мама снова рассказала мне историю наперстка.

– Подари его Нуцалай или Шахсанат (это мои сестры), – никак не успокаивалась я.

– Нет, Фазу! Они такие вещи не ценят. Это ты умеешь беречь и хранить. Пусть теперь он станет твоим талисманом счастья и радости. Я хочу, чтобы он был у тебя.

Я взяла наперсток и заплакала.

Когда умирала моя прабабушка, мне было тогда два года, говорят, что она свой талисман, на котором арабской вязью была расписана молитва, передала моей матери и сказала: «Это – для Фазу, ей в жизни будет очень трудно; а до того, как она поймет смысл талисмана, носи сама». Мне его дали, когда я пошла в седьмой класс и с тех пор ношу его с маминым наперстком и никогда с ним не расстаюсь...

Не раз в моей жизни случалось так, что я стою на краю пропасти, одной ногой как будто уже проваливаюсь в нее. Но в этот же момент, когда уже казалось «все!», меня словно кто-то невидимыми руками перемещает на лужайку. И мне кажется, что Аллах спасает меня, потому что я никогда не сомневалась в его могуществе и справедливости.

Я глажу свой талисман и вспоминаю прабабушку, которую знала только по рассказам и которая с детства вошла в мое сознание как очень мудрая, проникательная женщина. Вспоминаю маму, Цурмилову Патимат и, подняв руки, благодарю Всевышнего: «Аллах, алхамдулилла, ты опять спас меня от черной зависти и ненависти».

Сейчас я думаю: кому завещать свои талисманы, кто из моих внучек сможет оценить важность и значимость моего дара; кто будет искренне любить и верить в их силу?

Уже тропа не звенит

*Рухну в зеленую свежую бездну —
На склон луговой упаду,
Увижу омытые синью небесной
Ромашки, лютики и лебеду.
Зажмурюсь — и, словно в теплую землю,
Их корни впищу прямо в грудь свою.
Их муки приемля, их счастье внемля,
С весенними соками душу солью.*

Фазу Алиева

«Поэты – непризнанные законодатели мира».

П. Шелли

Уже тропа не звенит под моими ногами, напевая таинственную мелодию, чтобы я сама разгадала ее смысл, чтобы она потом словами легла в моем сердце, создавая почву для новых стихов. Уже тропа не бежит навстречу, ускоряя мой шаг, не ставит передо мной вопросы жизни, над которыми мне нужно думать и думать, находить ответы, находить для них такую форму, чтобы каждое слово сверкало. Эти загадки делали меня молчаливой, я искала одиночество, чтобы остаться с ними наедине. Когда человек думает, он становится духовно богаче, моложе и одухотворенней.

Уже тропа не звенит под моими ногами, но жизнь становится все дороже и дороже. Каждый камешек, травинка, букашка становятся чудом, что никогда не сотворят человеческие руки; это подарки судьбы, посланные нам свыше...

Эта любовь к созданиям природы – во мне с самого детства, но тогда видела я все по-другому. Вспоминаю, как лежу в сочной, зеленой траве, раскинув руки по сторонам. Жужжат пчелы. О чем-то поют стрекозы, бабочки с тонкими, прозрачными крыльшками порхают с одного цветка на другой. На травинках совсем близко играют друг с другом божьи коровки. О, какая красота! Ярко-красные с черными крапинками, они как долгожданная добрая весть. У них своя особая песня, очищающая, легкая, беззаботная. Я смотрю на них до тех пор, пока сама не уподобляюсь им. Я становлюсь легче пушинки. А на синем небе бурлят белые облака, создавая разные образы: то молодые обнимаются, то старик гладит длинную бороду, то медведь лениво поворачивается из стороны в сторону. Уже мне кажется, что не луга издают ароматы, а пахнут всеми цветами облака и небо.

Я не прошу у Аллаха, чтобы тропинка, как раньше, зазвенела под моими ногами, чтобы меня вернули в молодость – это было бы глупо; но прошу у Аллаха, чтобы я умерла на сочном лугу, чтобы надо мною летали, играя, божьи коровки, красные с черными крапинками, чтобы пахло кругом фиалками и всеми дарами земли, чтобы на синем небе бурлили белые облака и чтобы все это застыло в моих глазах и унесла бы я образ любимой земли с собой в землю.

*Что расстояние, что границы?
День изо дня
На всех путях
Во мне родной очаг дымится,
Горит недремлющий чирок.
Во мне, усталости не зная,*

*Ликуют птичьи голоса,
Жемчужно светится ночная,
На травы павшая роса.
Во мне певуче и бессонно
Переключаются ключи,
И в дом бегущие со склона
Журчат студенья ручьи.
Во мне над темною чинарой
Серебряная россыпь звезд,
И крик птенцов под кровлей старой
Из тесных ласточкиных гнезд...*

И пусть тропинка уже не звенит под ногами и жизнелюбие не бурлит, как река при обильных дождях, все равно, воспоминания во мне спрессованы и фундаментальны, поднимая меня в необъятный мир.

Странная собака

*Ломает голову философ
День изо дня, из года в год:
Жизнь, задавая тьму вопросов,
На них ответа не дает.
Свечу надежды зажигаю,
Но сокрушенно полагаю:
Она сгорит быстрее, чем я
Проникну в тайны бытия.*

Фазу Алиева

«Позорно не наказание, а преступление».

И. Гердер

Время было очень трудное – первый послевоенный год, голод еще свирепствовал – страшная засуха сжигала все дары земли. Но свои байрамы (праздники), почитаемые предками, аульчане строго соблюдали. Принято было, когда отары с чабанами возвращались с зимних пастбищ, встречать их вкусной едой, танцами, песнями. За аулом была большая поляна Талаар, словно Аллахом созданная специально для таких торжеств. Посередине поляны – небольшое озеро, сюда по дороге на пастбище и на обратном пути приходили отары на водопой. Хоть озеро было и маленьким, казалось, что чем больше из него пьют воды, тем оно становится полнее.

В тот послевоенный год аульчане тоже устроили байрам. Правда, больше половины чабанов были женщины. Аромат трав и цветов смешался с ароматом чеснока и кислого молока, в больших тарелках красиво разложены жареные и вареные картофелины, пирожки, чуду; играла зурна, и бил барабан. Танцевали старики, женщины и дети. Но одна маленькая девочка очаровывала всех: на ней был сшитый из старого атласа национальный костюм – хабало, на голове крючком вязаный тастар.

– Чья это дочка? – спросил один чабан в выцветшем военном кителе.

– Это дочка Салима. Когда он уезжал на фронт, она была еще в утробе матери, – ответили ему.

И чабан, как приз за лучший танец, подарил ей маленького ягненка. Мать и дочь унесли домой большую радость, чем эта ярочка. За ней ухаживали, как за ребенком. Первое время даже выделили ей место в комнате. Куда бы мать с дочерью ни ходили, она бегала за ними, как привязанная. Ярочка оказалась очень баракатная (благодатная), с нее у них начало подниматься хозяйство. Она принесла им двух ягнят, потом выросли еще... Раньше эта семья не могла на зиму готовить сушеное мясо, а теперь к осени они выкармливали уже своих баранов.

Но в каждом ауле есть люди, которые готовы загребать жар чужими руками. Так, четверо молодых ребят «положили глаз» на этих откормленных, ухоженных баранов с тяжелыми курдюками. И решили однажды в темную ночь увести их. Двое остались за забором, а двое влезли во двор. План был прост и ясен. В доме находились вдова погибшего на фронте и уже повзрослевшая дочь. Они побоятся выходить, если даже собака залает. По заранее намеченному плану двое должны были через забор передать баранов своим сообщникам. Но, как гласит пословица: «Если хочешь, чтобы Аллах смеялся, составь себе планы на будущее». Воры были совершенно уверены в благополучном исходе своей задумки; наверное, в мыслях уже шашлыки жарили и вдыхали его аромат. Собака почему-то не лаяла, виляя хвостом, она ходила около воров. А когда они поймали первого барана и хотели передать через забор, она бросилась прямо в лицо

вора: сомкнулись челюсти – и страшный крик разорвал ночную тишину – собака оторвала нос любителю чужих баранов...

Конечно, воров поймали на другой день; видимо, у милиции эти бездельники были на примете. Правда, безносого поймали в другом ауле – он прятался у тети.

Но самое смешное было на суде, когда он все время повторял: «Странная у них собака: не лает, а кусает».

*Коль хитрый зверь уходит от капкана,
Продлив существование свое,
Его, ей-ей, в герои прочить странно:
Не храбрость тут, а попросту чутье.
И ты, уйдя от пули и дубины,
Не слишком радуйся своей судьбе:
Кровь за спиной и черные руины —
Как вечное проклятие тебе.*

Тайна души

*Почему у жаворонка
Столько песен?
Потому что жаворонку
Мир не тесен.
Он травинку
Принимает за березу,
А былинку
Принимает он за розу,
И за море принимает он
Росинку,
За долину принимает он
Тропинку,
И горячими,
Как летние долины,
Ледяные
Ему кажутся вершины.*

Фазу Алиева

«Только те, чьи сердца хранят тайны, способны постичь тайны наших сердец».
Х. Джебран

Уроки детства – самые ценные, если их принимаешь сердцем и душой, если им искренне веришь, если над ними думаешь и учишься разграничивать добро и зло, мужество и трусость, верность и предательство...

В детстве принято делиться тайнами и свято хранить доверенное. В самом слове «тайна» есть что-то загадочное. Если тебе доверяют тайну, то ты сам перед собой становишься очень значительным, надежным человеком, которому дано беречь от чужих глаз и молвы очень ценное...

Бабушка всегда предупреждала: «Смотри, если подруги тебя посчитали достойной, чтобы доверить свое сокровенное, его надо хранить, чтобы ни один человек из твоих уст не услышал их тайну. А если ты кому расскажешь – это и есть предательство. Во-первых, тот человек, который тебе это доверил, никогда больше не будет считать тебя надежным человеком; во-вторых, ты нанесешь ему рану – он всю жизнь будет сожалеть, что доверился тебе. Чужие тайны – как драгоценный клад, ни один человек не должен знать, что они хранятся в закромах твоего сердца».

Чужая тайна – это то, что человека делает богаче и светлее. Она твоя, пока ты хранишь ее, а если ты выдал ее, она тобою будет играть, как мячом. И маленькая птица может стать причиной большого обвала. Наши слова, касающиеся чужих тайн, превращаются в снежный ком, катящийся с горы, по дороге он обрастает все новыми и новыми слоями – и в итоге свалится именно на твою голову.

Тайна. Какое загадочное слово, даже произносится оно как-то особенно. Я полна тайнами: печальными, роковыми. И за всеми этими тайнами стоят живые люди, каждый со своей судьбой. Чем больше тайн я храню, тем больше во мне самоуважения, ответственности. Хранить тайны нелегко, в сердце они горят, как раскаленный уголь, и если начнешь их ворошить, они могут превратиться в пожар и сжечь все.

Тайны! Во мне плачут чужие тайны кровавыми слезами. Они терзают мое сердце, рвут мою душу, пытаюсь вырваться наружу. Во мне хохочут чужие тайны, испытывая на стойкость мою верность и преданность. Во мне бушуют чужие тайны, кричат: «Выпустите нас, и тебе сразу же легче станет». «Нет, – упорствую я, – это не мои тайны – чужие. Если я освобожусь от них, они, не управляемые волей, разлетятся в разные стороны. Они превратятся в метельные зимы, станут на дороге колючей проволокой, они превратят прозрачную родниковую воду в болотную жижу и песни райских птиц – в шипение ядовитых змей...»

Я полна чужими тайнами, не меньше у меня и своих. Мои тайны – как звезды на небе, ими я могу распоряжаться, как хочу. А чужие, доверенные мне буду хранить, беречь, как драгоценные клады. Никто никогда не услышит от меня ни слова... Я считаю, что умение хранить чужие тайны – тоже мужество, а мужество – оно или есть, или его нет – третьего не дано.

Хранимые нами тайны делают нас богаче, загадочней, значительней.

*Дайте тайну простую – простую,
Тайну – робость и тишину,
Тайну худенькую, босую...
Дайте тайну – хотя бы одну.*

Прошу я устами Е. Евтушенко, хотя сама полна и своими, и чужими тайнами. И я счастлива, что умею их хранить.

Аромат хлеба

*Вот идешь ты с мельницы,
Сгибаясь
Под счастливой тяжестью муки,
Глядя в землю,
Пахне улыбаясь,
Всем ее камням вопреки.
На закате благодатную ночь
Высыпашь из мешка в сундук,
И мы громко хлопаем в ладоши
И с восторгом вертимся вокруг.
Чтобы в доме нашем был достаток,
Ты на мягкой белизне муки
Оставляешь четкий отпечаток
Тонкой и мозолистой руки.
На муке
Мы оставляем тоже
Отпечатки наших детских рук...*

Фазу Алиева

«Хлеб – посох жизни».

Народная пословица

Было время, когда я могла съесть хлеба, испеченного мамой, сколько душе угодно или наестся хинкала, который готовила бабушка в самых разных вариантах. Мы, возвращаясь с улицы, по аромату безошибочно угадывали, что там, на очаге, нас ждет. Вкусные запахи доносились до самой улицы. – Мама печет кукурузные лепешки! – хлопала я в ладоши. И сейчас, вспоминая о детстве, я ощущаю те ароматы. Куда же они исчезли, те волшебные запахи, зовущие нас с улицы домой... Аромат хинкала, начиненный творогом, мясом, чуду с зеленью. Аромат лепешек, пекущихся на раскаленной сковороде без масла. Какие они были вкусные, наешься – еще пальчики оближешь. Помню, как в ауле в каждом доме ценили хлеб. Даже малюсенький кусочек хлеба не пропадал, если случайно упадет крошка, ее поднимали. Нам внушали, что землю, которая дает хлеб, и хлеб, на котором держится жизнь на земле, надо любить и беречь. Сам Аллах велел нам это.

*Держу в руке кусочек хлеба,
Он мягче пуха, ярче дня, —
Сошлись в нем и земля, и небо,
Он слов понятней для меня.
Кусочек хлеба! Годы, годы
В его слоистости видны.
В его изгибах – горы, горы
Моей родимой стороны.*

На Коран нельзя класть даже перышка – это грех; единственное, что можно положить на Коран, – это хлеб. Если человек делает намаз, его нельзя прерывать, если даже рухнет стена, единственный случай, когда намаз можно остановить, если человек увидел, что горит хлеб;

сразу надо бежать и тушить огонь. Сызмальства нам внушали, что, если человек, увидев кем-то брошенный хлеб, пройдет мимо, его ждет возмездие – голод.

Мы так и росли с любовью и уважением к хлебу, научились ценить даже крошки. И каждый раз, когда я держу в руках хлеб, вижу своих односельчан в разгар посевной поры:

*И вижу руки их в мозолях,
Мольба крестьянская слышна:
«Сто зерен да взойдут на поле,
Взойдут из одного зерна!»*

Прошли годы, мы, как окрылившиеся птенчики, покинули отцовский дом и родной аул. И заложенный в нас фундамент – целомудрие, любовь к родной земле, умение ценить хлеб, человеколюбие и трудолюбие – мы взяли с собой; среди всех этих ценностей был, конечно, и тонкий аромат маминого хлеба.

Я вспоминаю этот аромат, которым дышит каждая моя клеточка. Но эти ощущения стали другими, ведь недаром говорят, что воспоминание о лучшем делает настоящее грустным. И мне становится печально: где же он, тот аромат маминого хлеба? Даже в хлебных магазинах нет того аромата. Что же изменилось? Не знаю! И я все продолжаю мечтать, хочется вновь ощутить и почувствовать аромат хлеба, который я в детстве пила, как родниковую воду...

Уже в конце весны в селе начинали заготавливать топливо на зиму, поэтому и нас мама посылала в горы собирать кизяк, за горой располагался небольшой лес. В тот день меня послали собирать высохшие ветки. В дорогу мама положила мне хлеб и сыр. И вот что со мной приключилось:

*Мне предстояло в дальний путь идти,
Я хлеб взяла, что мама испекла мне.
Я съела хлеб тот, пройдя малый путь,
Выбрасывая корки, словно камни.
Домой обратно довелось идти.
И путь назад нелегким был и горьким,
Как жадно мне пришлось искать в пути
Когда-то мною брошенные корки!
О хлеб! Круговращенье года,
В тебе, в обыденном на вид,
Все то, что сделано народом
И что народу предстоит.*

Во мне шумят реки и речки

*Река Койсу, камни дробящая вода,
Веками здесь ревет в кольце скалистом,
И тишиною здесь не пахло никогда,
Настолько водопадный шум неистов.
Таким привычным этот шум для слуха стал,
Что если станет тихо в этом месте,
Оглохнут тучи и вершины скал,
Сама река и я с рекою вместе.
И разлетятся в ужасе орлы,
И затоскуют в ближних саклях люди.
Здесь, где кипят речные русла, как котлы,
Пускай и часу тишины не будет.*

Фазу Алиева

*«Капля воды обладает всеми свойствами воды, но
бури в ней не увидишь».*

Р. Эмерсон

Говорят, что ты, моя земля, мала. Но если не думать о ее размерах: длине, ширине и других параметрах, лишь сосредоточиться на ценности каждой крупинки земли, то можно смело сказать, что земля – это «вкрапленное в алмаз» море. В ней есть все, о чем бы мог мечтать человек. В ней могучие горы, внушающие человеку мужество и верность, умение переносить и холод зимы, и жар лета. В ней речки, рожденные от любви солнца и льда, речки с кристальной чистотой, стремящиеся друг к другу, чтобы, соединившись, становиться сильнее и выносливее. Сколько всего приходится преодолевать этим безымянным речушкам на своем пути! Сколько раз, ударившись о могучие скалы, они рассыпаются на капельки. Каждая капля обладает той же целеустремленностью, что и речка, рожденная из льда. Капля с каплей соединяются и стремительно бегут, рождая свою песню, не похожую ни на какую другую. И я с малых лет вместе с ними пою эти песни горных речушек. Где-то на пути эти малютки-речки сливаются друг с другом, становятся сильными, и уже не отличишь, какая вода из какой речки. Соединившись, они становятся уверенными в себе. Теперь слух их становится острым и чувствительным, они слышат зов других речек, зовущих их к воссоединению, и бег ее становится быстрым и отчаянным, цель – определенной, а песня – осмысленной. И мечта исполняется – из сотен маленьких речушек образовалась могучая река. У нее уже своя песня, звонкая, мятежная, возвышенная, ей нипочем ни камни, ни скалы; она не осторожничает, замедляя свой бег, и успокаивается, только приблизившись к своей цели – морю...

А я не люблю море: оно бездушное, и песня его для меня – как рев зверя, рычание, угроза. Я стою на берегу, как песчинка, как лоскуток, оторванный от волны. Мокры мои ноги, а в сердце жарко – там кипят песни горных речушек, буйствует мужество реки, образовавшейся от слияния безымянных ручейков, там отчаянность водопадов, бросающихся головой вниз с неизмеримой высоты в пропасть ради своей мечты – дойти до моря.

О горные водопады! Вы всегда во мне! Кто из нас другому передал эту отчаянность? Вы мне или я вам?!

*В пропасть летит водопад,
Точно взлетает в небо.*

Она не уставала повторять

*Чего страишь я видеть в предстоящем
Всего сильней? Чужими – небеса,
Пустыми – зыбки, поле – неродящим,
Потухшими – любимого глаза.
Угрюмый лес, молчащий на рассвете,
Без птичьих гнезд, без радости в душе.
И молодость, которая уже
Не верит больше ни во что на свете.*

Фазу Алиева

*«Вера – это радужный мост между небом и землей, всем на
отраду, но из странников каждый видит его по-разному, в зависимости
от места, где находится».*

И. Гете

Утром после намаза и вечером после дуа бабушка, занимаясь своими домашними делами, напевным голосом говорила: «О всевышний Аллах, почему люди такие толстокожие, почему закрыты клапаны их сердец и умов? Почему они перестали думать, говоря, что человек – хозяин земли и неба? Ведь даже самое простое он не может сделать, если Аллах не поможет. Найдите мне такого человека, который смог бы молоко, надоенное от коровы, возвратить обратно по тому же пути. Найдите такого лекаря, который мог бы ребенка, только что вышедшего из материнской утробы, вернуть тем же путем на место. Говоруны все твердят, что человек – самое сильное создание, аставфирулла!»

Если подумать, то Аллах распоряжается всеми жизненными процессами. Теленок, только что появившийся, тут же встает на ноги, начинает искать вымя матери. А если корова делает шаги, теленок идет за ней. Жеребенок, еще не высохший, на дрожащих тоненьких ножках, начинает бегать вокруг кобылы. А чтобы дитя человека встало на ноги, нужен целый год, еще два года, чтобы он заговорил, не меньше пятнадцати лет, чтобы его считали взрослым. Аставпирулла, почему люди не думают над таким ала-матом (чудом)? Аллах так захотел, чтобы человек год за годом набирал ум, мудрость, чтобы он видел, слышал и понял, что человек – это создание Аллаха. И за то, что он создал его, дал ему ум, язык, зрение, слух, человек должен делать все, чтобы Аллах на него не рассердился; он не должен кичиться, что он самый сильный. Алхамдулилла, пусть человек не забудет, что его судьба в руках у Аллаха». Она не уставала повторять эти слова.

*Пусть мало будет – ста друзей,
Пусть много будет – полврага,
Пусть здесь в течение жизни всей
Не гаснет пламя очага.
Пусть хлеб печется на огне,
И пусть от щедрого труда
Гостям, соседям и родне
Здесь предлагают хлеб всегда.
Пусть здесь рождается человек
И услаждает этот дом,*

*Пусть мудрость старости вовек
Не покидает этот дом.
Пусть зависти и клевете
Сюда дороги не найти, —
Улыбки искренни лишь те,
Что зарождаются в груди
И на губах цветут потом.*

Пророчество тети Халун

*Две непохожих жизни у меня:
Одна во мне, другая за спиной.
Но и она, нескладная, со мною
В биенье сердца – в кипении огня.
Она сулит мне новую кручину.
Боюсь ножа, нацеленного в спину,
И все страшнее оглянуться мне.*

Фазу Алиева

«Предвидеть – значит управлять».

Б. Паскаль

Чем тяжелее становится груз годов, тем чаще вспоминаешь маленькую родину: аул, каменные одноэтажные дома с плоскими крышами, с трех сторон открытыми верандами. И будто я на каждом рассвете слышу крик петухов, которые, друг друга подхватывая, создают симфонию, гимн рассвету. Помню, как мы бегали по кривым улочкам аула...

Главенствовал в нашем роду дедушка Омар-дада – дядя моего отца. У него была всеми уважаемая и мудрая жена Халун. Она говорила очень мало, иногда могла целыми днями молчать. Весною, летом, осенью пропадала в поле, а зимой все время что-то шила, латала, вязала носки и варежки. К ней приходили женщины очень говорливые. Хотя Халун сама молчала, малейшие погрешности других собирала в свой сердечный сундук, как бы про запас, пока не придется к месту. Но, когда что-либо говорили про нас, про сирот, тут ее слово становилось острее алмаза и, как ржавый гвоздь, вбивалось в сердце говорящему.

Я была очень шумная, доверчивая, искренняя. В мою голову лезли разные идеи, фантазии. Стоило услышать что-нибудь необычное, это, как зерно в весеннюю землю, падало в мое сердце и начинало звенеть колосьями.

У нас в ауле жила очень благополучная семья, богатая по тем временам. В ауле говорили, что счастье, однажды открыв дверь в их дом, никогда не закрывает ее. Дочери вовремя вышли в хорошие дома замуж, сын удачно женился, внуки растут здоровыми, как говорится, «руки в масле, язык в меде». И еще рассказывали, что их дедушка, будучи чабаном, нашел в горах камень, на котором можно было прочесть: «То, что любит пророк Мухаммад, то и я люблю, то, что ненавидит пророк Мухаммад, то и я ненавижу». Когда я услышала это, потеряла покой. Сама в горы ходить боялась и позвала двух своих подруг. И как бы невзначай спросила об этом бабушку.

– Это аламат (чудо), доченька, действительно, есть такие камни с меткой Аллаха, и если человек с большой верой и любовью хранит его, то всю жизнь целому его тухуму везет.

– Я хочу найти такой камень, бабушка, я буду искать.

– Искать тоже нельзя. Кого Аллах любит, он сам как бы в руки его дает.

Бабушка прочла маленькую молитву: «Субханаллахи ва ни'мал вакил».

– Если каждый день тысячу раз читать ее, то мечта человека исполняется, – пояснила она.

Я сразу запомнила молитву и, сколько могла, читала. Но не успокоилась. И вот однажды со своими близкими подружками под предлогом собирать кизяк на зиму отправились в горы. Поднимаясь все выше и выше, мы перебрали, наверное, до тысячи камней, но никаких росписей на них не обнаруживали. Пили воду из родников, голода не чувствовали – были сыты

от желания найти волшебные камни. Опомнились, когда эхо начало повторять: «Айшат, Фазу, Загидат!» Тут мы увидели, что начало темнеть, и поняли, что нас ищут.

Подругам досталось от своих матерей, а тетя Халун молча взяла меня за руку и увела домой. Мать Загидат кричала:

– Это все ненормальная Фазу, что только ни приходит ей в голову! Сегодня одно придумает – завтра другое; пусть что хочет делает сама, но оставит наших девочек в покое. Аллах знает, что они бывают ниже травы и тише воды, пока не появляется Фазу. Она же как каменный обвал: если говорит в верхнем ауле, то ее слышно в нижнем. Она как лучиной зажигает этих глупышек, а они все ей в рот смотрят.

– Да, в ней есть огонь жизни, она видит красоту мира. Недаром же говорили наши предки: кто видит красоту и может ею любоваться, он является ее частью! – сказала, надменно улыбаясь, Халун.

– У наших девочек тоже полно жизни, иначе они не жили бы, а у Фазу глаза на небе, словно ее гнездо в облаках. Землю она не видит, как пастух, у которого вниз с гор бежит отара! – возмущалась мать Загидат.

– Кто не восхищается небом, и землю любить не способен, такие остаются пресмыкающимися! – ответила Халун.

– Слышите, что она говорит? – стала махать руками до сих пор молчавшая мать Айшат. – Получается, что наши девочки – змеи или ящерицы. Если вы дали ей имя птицы, думаете, она взмахнет крыльями и начнет летать?!

– Крылья видны только у птиц, а у человека душа должна быть крылатая. И она стремится в небо, не отрываясь от земли, и я этому рада! Это все дает Аллах, алхамдулилла, и вы у нее это отнять не можете! Ты моя радость, Фазу, – повернулась ко мне тетя Халун, – не слушай их, небо и земля человеку даны для радости, вот и радуйся!

– Если вы считаете, что она портит ваших девочек, – обратилась Халун к женщинам, – держите их от нее подальше, как небо от земли.

Сколько я жила в горах, столько я искала счастливый камень, но так и не нашла. Чем дальше уходит прошлое, тем оно становится ближе, и каждое слово понимаешь глубже. Вспоминаю я многое, что говорила Халун, и думаю: может, она тоже была женщиной, отмеченной меткой Аллаха, одаренной талантом, иначе в безумных моих деяниях она не смогла бы увидеть красоту и стремление к высотам, почувствовать крылья в моей детской душе.

Крапива и молитвы

*Душа моя!
Господь не приведи
Тебе такой пустыней оказаться,
Где змеи притаились, а дожди
Барханам раскаленным смутно снятся.
И, хоть в кудрявых тучках небосвод,
Нельзя поверить даже на мгновенье,
Что для тебя оттуда избавленья
От зноя нестерпимого придет.*

Фазу Алиева

*«Молитесь! Говорят, Аллах согревает свои руки у сердца
молящего».*

Моя бабушка

Когда я слышу слово «крапива», я возвращаюсь в свое голодное детство – военные годы. Слово действует на меня магически, где бы я ни находилась, передо мною возникают горы, ущелья, поляны, которые я вместе с бабушкой посещала не раз.

Когда у нас появлялось свободное время от основных работ и рано утром, с двумя большими, сшитыми из разноцветных лоскутков старых вещей мешками мы отправлялись за крапивой. Бабушка до самой смерти твердила, что многих людей в голодные годы от смерти спасла крапива, что она – лекарство почти от всех болезней. Мы собирали ее с начала весны и до поздней осени. Каждый раз половину собранного мы сушили в тени на зиму, из другой половины готовили еду, причем самую разнообразную, и ели с большим удовольствием. Чаще всего готовили густой суп. Делали его так: когда крапива начинала закипать, сыпали в кастрюлю немного муки, потом одно-два мелко нарезанных яйца. Делали из крапивы и лепешки: долго перетирали мелко нарезанную крапиву и, чтобы она не рассыпалась, добавляли немного муки.

Так же, как и крапива, нас выручала корова. Мы все за ней очень ухаживали, чтобы она давала побольше молока. Его мы собирали в большую кастрюлю, а раз в неделю сливали молоко в глиняный кувшин и по очереди трясли его до тех пор, пока в нем не появлялись масляные шарики. Их снимали из оставшегося молока, грея на медленном огне, делали творог, сыворотку пили, как воду, а еще из нее на зиму делали уксус. Каждый год корова дарила нам теленка, продав которого, когда он немножко подрастал, нам покупали одежду.

Держали много кур, поэтому яйца нам доставались очень часто. Ухаживать за курами было поручено мне. Я очень ответственно относилась к этому, в то же время знала, какую траву они едят. Ставила воду в большом тазу во дворе, чтобы они в любое время могли пить. Двор наш был маленький, но, несмотря на это, почти третью часть его бабушка решила выделить для огорода. Всей семьей мы собирали камни, которыми огородили участок, чтобы куры не лазили в огород и не портили ничего. Обработали землю и посадили там чеснок, лук, посеяли семена петрушки, киндзы, укропа, а кругом в два ряда бурак. Никто не поверит, как этот огородик нас спасал в тяжелые времена. Особенно чеснок, лук и бурачные листья. Из бурачных листьев мы делали чуду, израсходовав совсем немного муки. А в конце лета собирали бурак.

За нашим спасителем-огородом ухаживали все. А бабушка каждый раз читала молитвы, благодаря землю за щедрость:

*Спасибо тебе, земля-кормилица,
Дай всходам и дождя, и солнца в меру,
Дай сеятелю доброе зерно,
Дай пахарю в себя и в землю веру,
Не дай, чтоб в реках обнажилось дно,
Но и не дай им через край пролиться.
Дай душам трудолюбие, огонь,
Пускай огонь земли позолотится,
И хлеб жнецу ложится на ладонь.
Обильем зерен благодатных горца
За труд упорный отблагодари.
Пусть и грядущий день зарей займетя,
Взяв искру от сегодняшней зари.*

Услышанное от бабушки я сразу запоминала и, придя на огород, повторяла наизусть...

Удивительное дело, все, что говорила бабушка, я запоминала на всю жизнь. Каждое ее слово, как резьба на камне, навеки запечатлелось в моем сердце. Иногда мне казалось, что бабушка молится не Аллаху, а земле. «Земля – кормилица, земля – щедрость, без земли человек не может жить; посмотри, сколько всего она нам несет. Родники от земли, трава, цветы, деревья – все от земли. Поэтому мы должны ее лелеять, ласкать», – повторяла она каждый день по нескольку раз. Так с самого детства во мне зародились любовь и привязанность к земле.

Однажды в поисках крапивы мы поднялись на высокую скалу, и бабушка неожиданно встала на колени:

– Фазу, быстро иди сюда, такой алакат (чудо)! – Она дрожащей рукой гладила цветок.

– Что это, бабушка?

– Это чудо, которое Аллах послал, чтобы люди, глядя на него, задумывались. Ты посмотри, цветок на тоненьком стебле просверлил скалу, вышел наружу. Ты знаешь, почему он смог это сделать? Потому что любил жизнь, хотел каждый день видеть рассвет, солнце, облака, купаться в дождевой воде, любоваться закатом, наслаждаться звездным сиянием, улыбаться луне, слушать птичьи трели и, вобрав все это в себя, отдавать людям. Посмотри, вот и пчела прилетела, чтобы с него нектар собрать. Это не просто Аллах такой нам послал цветок, нежнейшую фиалку. Он хотел, чтобы человек брал с него пример: если человек любит свою землю, жизнь, он может все преодолеть, как вот эта фиалка, победившая скалу. О Аллах, сколько чудесного вокруг, только надо уметь его увидеть, понять и принять. Человек все должен преодолевать, один на второго похожим не бывает – и голод, и холод, и жажду, и зной, алхамдулилла, – говорила бабушка.

Может быть, эта нежная фиалка и не сверлила скалу, а вышла из трещины, но в моем сердце на всю жизнь она осталась фиалкой, преодолевшей скалу ради жизни, ради того, чтобы любоваться солнцем, небом и дарить пчелам нектар. Она так и цветет в моем сердце и никогда не вянет. Когда мне трудно, я вспоминаю о ней и сама уподобляюсь фиалке. Каждое ее слово во мне как зерна, брошенные в благодатную почву, при самых трудных поворотах они приходят на помощь. Они мне подсказывают, когда говорить, а когда молчать; они меня заставляют думать, по какой тропинке идти, как не спотыкнуться, не упасть, как беречь свое достоинство и уважать достоинство других. Часто я думаю: почему мне так запоминались заветы бабушки, произнесенные простым, неспешным спокойным языком? Как сегодня, помню каждое ее слово...

С начала весны до поздней осени у нас дома стоял аромат альпийских лугов; везде, где только можно было, сушили травы, потом мы собирали их в мешочки, а на каждый мешочек пришивали «опознавательный знак». Там, где крапива – зеленый лоскуток; хранится мята –

голубой, для тмина – желтый. Все это хранилось в цагуре (большая, на полкомнаты, кладовка). Входить туда могли мама и бабушка, нам не разрешалось.

Все наши односельчане со своими недомоганиями приходили к бабушке; самыми главными лекарствами у нее были тмин и мята. Она учила их, как делать отвары и как их пить. Потом я удивлялась, что одну траву она назначала при совершенно противоположных заболеваниях. Кроме разных трав, у бабушки было еще другое лекарство, как моя мама говорила – загруман (отрава). Она собирала с коры старых деревьев и скал. Бабушка его давала редко, чтобы вызвать рвоту, заставляла глотать натошак малюсенький кусочек. Для трав у нее были деревянные ложки. Смесь трав она сыпала только в стеклянную и фарфоровую посуду, их женщины приносили сами из дома. И никогда ничего за свои заслуги бабушка не брала: «Все я делаю ради Аллаха. Чтобы эти разговоры я не слышала», – размахивала она руками, возмущаясь.

Я бабушкины «рецепты» и сейчас применяю. Многие их них, особенно тмин, мяту, лопух, подорожник.

Потом к бабушке приходили сказать слова благодарности, целовали ей руки.

– Спасибо, Патимат, болезнь как рукой сняло, пусть Аллах всегда посылает вам радость.

– Это не я, это Аллах через мои руки послал вам исцеление, это дары матери-земли, а землю Аллах наделил всеми благами, нужными человеку; алхамдулилла, тебе молимся, Аллах, на тебя надеемся, – отвечала бабушка.

Бабушка была очень религиозная, знала Коран наизусть, без слов «Бисмиллахи рахмани рахим» (С именем Аллаха милостивого и милосердного) она ничего не трогала. Какая бы ни пришла беда или просто огорчение, она становилась на колени, поднимала кверху руки: «Алхамдулилла, Аллах, ты послал это испытание, я принимаю, наверно, это к лучшему, алхамдулилла!»

Когда я была маленькой, во время войны в село приходили похоронки, и по вечерам десять-пятнадцать дней старые люди ходили в дома, куда пришла беда, читать молитвы, просить у Аллаха беречь живых, которые защищают свою родную землю. Когда заканчивали зикру (лаилаха илаллах), все просили мою бабушку делать дуа (мольба). Она сразу говорила, что она не делает длинный дуа, потому что Аллах и так видит наши сердца; нельзя долго держать людей, у каждого свое дело, кто-то болеет, кто-то спешит. И она обращалась к Аллаху с очень короткими, но емкими словами: «Облегчи больным боль, умирающим дай силу произнести шахаду «ашаду алаиллаха илаллах ва ашаду анна Мухамад Расулллла». Как бы мало ни было прочитано нами молитв, ты, Аллах, прими их, ты видишь наши сердца, знаешь наши помыслы, мы обращаемся к тебе с надеждой. Аллах, пусть дух павших на чужих землях покоится там, где они родились. Они защищали родную землю, давая отпор тем, кто нарушил мирную жизнь людей. Аллах, защити нас от кровопролития, от коварства, от зависти и ненависти черных сердец. Ты укажи нам правильный путь. Пусть закроются наши сердца от злых мыслей, дрожит рука от злодеяния.

Пусть запомнят навсегда:

Нет без веточки плода.

Нет деревьев без корней,

Корня без земли своей.

Пусть запомнят наши дети:

Каждый за себя в ответе,

Камня мало для опоры, —

Могут рушиться и горы,

Сам себе родник открой, —

Сохнет и река порой.

*Я молюсь, чтоб дети наши
Были нас добрей и краше,
Чтоб мы от стыда за них
Глаз не прятали своих.
Не дай бог под эти небом
Им отведать сладость хлеба,
Чьи колосья в высоту
На чужом поили поту.
Пусть всегда на этом свете
Нас хоронят наши дети.*

Аллах, тебе отдаем наши помыслы, наши сердца; ты всемогущ, помоги своим покорным рабам. Аминь! Аминь! Аминь!» И все вместе повторяли: «Аминь».

Когда мы с бабушкой собирали травы или работали на сенокосе, она рассказывала о чудесах религии. Так рассказывала, что и сегодня я слышу ее голос и вспоминаю каждое слово, потому что длинных, нудных назиданий у нее не было. Прежде чем рассказать, донести до меня какую-нибудь молитву, она начинала с притчи. Хочу привести несколько примеров.

Говорят, как-то шел по лесу человек, отдавший свое сердце и душу Аллаху. Вдруг он увидел, как с высокого бугорка, встав на дыбы, готовится к прыжку тигр. Он не растерялся и начал читать молитву «Дустури», и так получилось, что человек оказался на возвышенности, а тигр – внизу. Человек стал скидывать с возвышенности камни, и тигр убежал. Благодаря этой притче я сразу запомнила эту молитву, и каждый день читаю ее семь раз.

Говорят, что один человек, целиком отдавший жизнь Аллаху, стал отшельником, питался лесными ягодами и фруктами. Он долго жил, а когда умер, во сне его увидел его ученик. Учитель сказал ему: «Мне здесь очень трудно, сходи на могилу моей матери, попроси, чтобы она меня простила: оказывается, когда я ходил по лесам и горам, она очень скучала по мне и ждала. Чтобы покрыть этот мой грех, прочитай на ее могиле семьдесят тысяч раз «лаилаха илаллах». Ученик отшельника просьбу выполнил и снова увидел его во сне в белом одеянии, он пожал руку своему ученику. С тех пор и начали по ушедшим читать семьдесят тысяч «лаилаха илаллах».

Еще бабушка рассказывала, как один человек читал ежедневно молитву «Лакъаджаакум» семь раз, потому что говорили, что в такой день человек не умрет. Он жил сто шесть лет, и как-то он говорит жене: «Готовься, сегодня я умру». – «Откуда ты знаешь?» – «Никак не могу читать лакъаджаакум». Жена принесла ему Коран: «Читай отсюда». – «Не вижу». Так, разговаривая, он умер.

Двоих, говорят, приговорили к повешению. Один знал молитву «Дустури», а другой не знал. Когда их вели на казнь, один читал семь раз «Дустури» и сказал: «Аллах, помоги, мое сердце наполнено любовью к тебе и твоему посланнику Мухаммаду (свалал-лаху таала алейхи васалам – мир и приветствие Аллаха ему)». И он каким-то чудом остался жив, а другой погиб. Все молитвы, что мне читала бабушка, украшая притчами, я знаю и сегодня и читаю каждый день. Дай, Аллах, моей бабушке райский уголок. Она была как ангел, твердила, что жизнь – короткая, надо творить добро, никому нельзя желать плохого; Аллах видит наши сердца. И она часто повторяла:

*Сольются две души пускай,
Как реки, – речек не разнять,
Пусть радость льется через край
И входит в берега опять.
Пускай рожденье очага,*

*Сравнив с рождением звезды,
Пусть всегда – в руке рука,
Тогда не ведать вам беды. Пусть мало будет ста друзей,
Пусть много будет – полврага,
Пусть здесь в течение жизни всей
Не гаснет пламя очага.*

С горными речками дружба верная

*Ах, море бурное, не верю я в бунтарство,
Ах, море тихое, твое смирение – ложь.*

Инна Лиснянская

«Тесная дружба бывает у сходных меж собою людей».

Платон

Бывают дни, когда море спокойное, оно словно сливается с небом своей голубизной. И, стоя на берегу, словно чувствуешь, как оно заполняет тебя чем-то необъяснимо чудесным, снимает все тревоги и суету жизни и делает душу чистой, восторженной, главное – свободной. И, замороженный, как будто ты паришь между небом и землей. А потом незаметно для себя превращаешься в капли морской воды. Все мысли, прошлое, настоящее – будто ничего и не было – одно море, и я – как капелька этой безбрежности. Сила моря так могуча, что поглощает целиком. К чему ему моя печаль, к чему мои бессонные ночи, мои потери и боль, мои слезы и вздохи?..

Бывают серые дни, и небо тучное, и море мутное. Волны бушуют, словно состязаются, кто раньше ударится о берег, кто выше всех над морем поднимется. Я ухожу все дальше и дальше от берега, а волны грозят мне, что вмиг могут меня проглотить, кричат, что от них не уйти.

Нет! В каком бы виде море ни представало перед нами, оно не друг – с ним дружбы не получится!

Мои друзья – это горные речки со своей тихой мелодией; опустишь в их лазурную воду ноги, они смывают всю усталость, всю тяжесть, которые, как оковы, замедляли мой шаг. Ноги касаются сверкающих камней – все дно на виду, ничего не утаивают речки. Это у них, наверное, на роду написано – быть чистыми и открытыми, ведь они рождены на вершинах от любви солнца и льда. А еще в них соединились гордость вершин и жар солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.